

Оправдание Острова

Автор:

Евгений Водолазкин

Оправдание Острова

Евгений Германович Водолазкин

Новая русская классика

Евгений Водолазкин – автор романов «Лавр», «Авиатор», «Соловьёв и Ларионов», «Брисбен», сборников короткой прозы «Идти бестрепетно» и «Инструмент языка», лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна» и «Книга года». Его книги переведены на многие языки.

Действие нового романа разворачивается на Острове, которого нет на карте, но существование его не вызывает сомнений. Его не найти в учебниках по истории, а события – узнаваемы до боли. Средневековье переплетается с современностью, всеобщее – с личным, а трагизм – с гротеском. Здесь легко соседствуют светлейшие князья и председатели Острова, хронисты и пророки, повелитель пчел и говорящий кот. Согласно древнему предсказанию, Остров ждут большие испытания. Сможет ли он пройти их, когда земля начинает уходить из-под ног?..

Евгений Германович Водолазкин

Оправдание Острова

Татьяне и Наталии

И земля сотрясется,

и воспламенится черная вода на Севере,

и потечет пылающая вода на Юге.

И будет лететь пепел с небес,

и сердца ваши обратятся в пепел.

Пророчество Агафона

© Водолазкин Е.Г.

© ООО «Издательство АСТ»

От издателя

Островную общественность недавно всколыхнуло известие о том, что знаменитая История Острова, первая отечественная хроника, имеет, оказывается, продолжение. Это сделало необходимым новое – полное – ее издание.

В своем прежнем виде История Острова публиковалась неоднократно. Она входит в школьные и университетские программы и давно уже успела разойтись на цитаты. «Мы еще посмотрим, чем всё это кончится», «Он понимал, что война способна возобновиться, поскольку был одним из тех, кто желал ее возобновить», «Счастливы времена, не вошедшие в анналы», «Ему, времени, спешить некуда» – эти фразы прочно вошли в нашу повседневность, так что не все уже помнят, что восходят они к хронике.

С полным текстом Истории Острова мы попросили ознакомиться Их Светлейших Высочеств Парфения и Ксению. Их суждения о публикуемом труде казались нам чрезвычайно важными, и они согласились ими поделиться. Записи незаметно приобрели дневниковый характер, чему мы несказанно рады, ведь любое слово княжеской четы – это слово самой истории. С позволения авторов заметки

разбиты нами на фрагменты и опубликованы в качестве своего рода комментариев к тексту хроники.

События последнего года изменили первоначальные планы издания. Мы дожили до времени, когда древние пророчества начали сбываться. Время это не назовешь радостным, но оно многому нас научило. Мы стали мудрее, а в многой мудрости, по слову Екклесиаста, много печали.

Глядя на происходящее с нами, о сущности истории задумался и весь мир. Не только нашей истории – истории вообще. Этому способствовал и недавний выход фильма *Оправдание Острова*, снятого великим Жаном-Мари Леклером. То, что консультантами французского режиссера согласились выступить главные герои, многих вначале удивило, но грандиозный успех картины подтвердил, что это решение было правильным.

Сейчас, когда народ наш стоит на распутье, выход этой книги в свет имеет особый смысл. В свет – из тьмы нашего времени.

Глава первая

Феодор

Прежде у нас не было истории. Память хранила отдельные события, но только те, которые имели свойство повторяться. Оттого существование наше как бы шло по кругу.

Мы знали, что за ночью следует день, а за зимой весна. Эти круги дают светила, плавающие по небесной тверди, и предел их странствия год. Год был и естественным пределом нашей памяти.

Мы смутно помнили о страшных ураганах и землетрясениях, о свирепых зимах, когда замерзало Море, о междоусобных войнах и нашествиях иноплеменников, но когда они были, определить уже не могли.

Говорили только: это случилось однажды летом. Или же: это случилось весной, много весен тому назад. И оттого все ураганы слились для нас в один большой ураган, а междоусобные войны превратились в одну бесконечную войну.

С крещением мы услышали слово Священного Писания, а раньше слышали только ветхие слова друг друга. Эти слова рассыпались в прах, ибо сохраняется лишь то, что записано, а до крещения и письменности не было.

А потом на Остров прибыли книги, и мы узнали о событиях, что были до нас, и это помогло нам понять события нынешние.

Теперь мы знаем, что человеческая история имеет начало и стремится к своему концу. С этими мыслями приступаем к изложению мимотекущих лет и событий.

Господи, благослови.

Парфений

Историю Острова писали монахи. Ничего удивительного: лишь сосредоточенный на вечности способен отразить время, а земное лучше всего понимает тот, кто думает о небесном. Да и время тогда было другим – вязким, тягучим. Не таким, как нынешнее. В детстве время медленное, оно тянется, но потом берет разбег и к концу жизни уже летит. Вещь, в общем, известная. Не похожа ли жизнь народа на жизнь отдельного человека?

Полагают, что первые главы хроники принадлежат перу иеромонаха Никона Историка. За всю историю своего существования рукопись ни разу не покидала стен Спасо-Островного монастыря: это было строжайше запрещено.

Находясь в священном пространстве, история, по мнению хронистов, была защищена от подделок. Сейчас с историей обращаются свободно: пишет ее кто угодно и где угодно. Не в этом ли причина многочисленных фальсификаций?

Запрет выносить хронику из монастыря не отменял возможности ознакомления с ней в монастырских стенах. Во всяком случае, для правящих князей. Считалось (и до сих пор считается), что знание прошлого необходимо тем, кто находится у

власти. Эта мысль кажется мне справедливой. Справедливо, правда, и то, что знание истории никого еще не уберегло от ошибок.

В дни благочестивого князя Феодора наш Остров был крещен. А до этого князя звали не Феодором, а Александром. И он не был благочестив.

И правил лишь северной частью Острова, но в междоусобной войне захватил южную часть и стал князем всего Острова.

В восьмое же лето своего правления сказал:

Все соберитесь на Песчаной отмели, и там будете крещены.

Сказал:

Кто не примет крещение, тот мне не друг.

Крестились все или почти все, понимая, что трудное это дело – не быть другом князю.

Ксения

Согласно 47-й новелле византийского императора Юстиниана, исторические события датируются годом правления очередного императора. Следуя византийской традиции, Никон Историк (как и все последующие хронисты) датирует события годом правления князя: императоров у нас, как известно, не было.

И привезли на Остров Евангелие, и читали его людям, и все узнали о жизни Господа нашего Иисуса Христа.

О старых же богах выяснилось, что они древо суть, что защищать их не нужно, так как если бы они были богами, то сами бы себя защитили. И никто за них

особенно не держался, кроме нескольких волхвов, которые им служили.

Когда языческих богов сожгли, волхвы сказали, что настанет день, когда сгорят и книжные буквы. Никто им не поверил, поскольку все считали, что так они говорят от бессильной злобы. И оттого еще, может быть, что у них письменных слов никогда не было. Слова же, произносимые ими, висели в воздухе до ближайшего ветра и уносились прочь.

В лето двадцатое Феодора на Остров были присланы исторические книги. Мы храним их как зеницу ока: нет ничего хуже, чем остаться без истории тогда, когда только начинаешь понимать, что? это такое. Из книг нам открылось, что история единственна и всеобща, и, даже затерянная на неведомом острове, является она ветвью общего древа.

Мы узнали кроме того, что история предсказана в пророчествах, которые охватывают как всё ее целое, так и малые части. Упорядоченности времени пророчество противостоит как его, времени, преодоление. Великий же пророк Илия, взошедший на небо в огненной колеснице, был освобожден Господом от смерти и времени, которые в конечном счете суть одно и то же.

Есть свой пророк и у островного народа, имя ему Агафон Впередсмотрящий. Говорит по наитию, а не по книгам, ибо нет еще о нашем Острове книг. Дает предсказания на длительное время, так что проверить его пока не было возможности. Тем не менее, умонастроение и общая сосредоточенность Агафона говорят о том, что предречения его сбудутся, на что и уповаем. В особенности же на предсказание о том, что вражда, сотрясающая данный участок суши, надолго прервется, когда две княжеские ветви сойдутся воедино.

Думаю, что сказанного о пророчествах достаточно. Не будем углубляться в будущее и на подлежащее возвратимся, помня, что история повествует о прошлом.

Парфений

Агафон Впередсмотрящий учил, что пророчество не означает ограничения потомков в свободе. Они, потомки, вольны в своих действиях – насколько, разумеется, им это позволяют обстоятельства. Причина же обстоятельств,

говорил Агафон, не Бог, а человек.

С ним трудно не согласиться: долгая жизнь убедила меня, что люди сами создают себе обстоятельства. Чаще всего, понятно, неблагоприятные. Бог же их видит и открывает людям через пророков. Иногда.

Так, через Агафона нам было явлено, когда прервется вражда на Острове. Никон Историк упоминает об этом пророчестве как о еще не сбывшемся: сейчас всем известно, что оно сбылось. Это было, так сказать, среднесрочное пророчество.

Существовало, однако, еще одно пророчество Агафона, которое касалось времен отдаленных. До нас оно не дошло. В отличие от других, носивших более или менее частный характер, это посвящено судьбе Острова в целом. К сожалению, о его содержании мы не имеем ни малейшего представления. Или к счастью – это можно будет решить, только прочитав его.

Свое главное пророчество св. Агафон продиктовал в буквальном смысле на ухо хронисту Прокопию Гугнивому. Агафон, к тому времени достигший 120 лет, строго-настрого запретил пишущему распускать язык. Со стороны Агафона, человека, если можно так выразиться, возрастного, это была до некоторой степени шутка (в конце концов, никто не запрещал святым шутить), поскольку еще в юные годы Прокопию отрезали язык за сквернословие. Так что в отношении языка за этого человека можно было быть спокойным.

Прокопий, однако, поступил неожиданно, и язык для этого оказался ему не нужен. Расплетя рукопись хроники, он вынул из нее пророчество и, по слухам, тайно переправил на Большую землю – вероятно, как сказали бы сейчас, противнику.

Поступок Прокопия – если это правда – наводит на мысль, что секретная информация выглядела не слишком для островитян оптимистично. Возможно, она могла как-то укрепить континентальных в их агрессивных замыслах: ничто так не поднимает дух противника, как вовремя полученное пророчество.

О целях Прокопия Гугнивого можно было бы судить, лишь ознакомившись с текстом пророчества, но, как сказано, следы его потерялись. Почему же он не переписал его, а вынул из рукописи, – ведь тем самым он лишал своих соотечественников возможности его прочесть?

Не исключено, что действия, предпринятые хронистом, были призваны отомстить суровой родине за лишение его языка. Для Прокопия это была ощутимая потеря: покойный любил поговорить. Он как-то ухитрялся делать это тем немногим, что осталось у него во рту (язык, говорят, несколько отрастает). Как бы то ни было, история с кражей из рукописи пророчества обнаружилась только после его смерти. Это яркое свидетельство того, что хроникой во времена Прокопия особенно не интересовались.

О прошлом же привезенные на Остров книги сообщили нам, если вкратце, следующее.

В первый день создал Бог небо и землю, земля же была невидима и неукрашена, и Дух Божий носился над водой, оживляя водное естество. И сказал Бог: Да будет свет! – и было так.

В последующие дни сотворил Он море, реки и небесные тела. Заполняя мир водой, оставил острова? и зе?мли в ознаменование того, что суша возникла не от осушения солнцем, но до сотворения солнца, чтобы люди не мнили солнце богом.

Бог создал одновременно рыб и птиц, ибо те и другие родственны, с той лишь разницей, что рыбы плавают в воде, а птицы в воздухе.

И создал Бог человека с женой его, чтобы оставил он отца и мать и прилепился к жене своей. И всё сущее на земле отдал им Бог во владение.

Семь дней творения, однако, еще не были временем. Время открылось грехопадением и изгнанием из Рая, а вместе со временем началась история, потому что не существует история нигде, кроме как во времени.

Будучи 230-летним, Адам родил сына Сифа, всех же лет жизни Адамовой 930. И начали рождаться дети, и от Адама до Ноя насчитывается 10 родов и 1468 лет. Когда же Ною исполнилось 600 лет, на земле был потоп.

И повелением Божиим Ной ударил в било, и к построенному им ковчегу стали стягиваться звери и птицы, каждой твари по паре, кроме рыб, которым вода

ведь не страшна. Когда же они вошли, Ной закрыл дверь ковчега, и отверзлись хляби небесные. И дождь лил сорок дней и сорок ночей, так что не осталось больше суши, и даже наш Остров ушел под воду. Там, где сейчас висят облака, в те дни перекачивались волны.

В одном из небиблейских писаний сказано, что Дьявол, желая потопить род человеческий, превратился в мышь и начал грызть дно ковчега. Тогда Ной помолился Богу, и чихнул лев, и из ноздрей его выскочили кот и кошка и удавили мышь. Так возникли коты, которые в нашей земле всё еще редкость.

Парфений

В Никоновом тексте мы находим апокрифические сведения, которые современный читатель сочтет легендарными: имею в виду рассказ о котях. Детали, которые отличают повествование от тяжеловесной дарвиновской прозы, прекрасны, а всё прекрасное так или иначе истинно.

Вот оно – происхождение вида, не размазанное по сотням страниц. То, что можно видеть: вот, пожалуйста, коты – вылетают из львиных ноздрей, вот с мяуканьем переворачиваются в воздухе и приземляются на четыре лапы. Помня о своей сверхзадаче, в один прыжок оказываются рядом с мышью и – цап-царап! Цап-царап, говорю я, имея в виду, что поединок был в высшей степени необычным. Знали ли коты, кому противостояли? Хороший вопрос.

Да, сведения эти не вполне согласуются с дарвинизмом, но это скорее проблема дарвинизма. Сказки о котях его основоположник просто бы не понял: мне кажется, этот человек не умел улыбаться.

О серьезном. Меня, в связи с моим немалым возрастом, часто спрашивают о моем отношении к Дарвину. Что тут сказать? Ухо, ловившее ритмы эволюции, оказалось глухо к пульсу метафоры и, шире, поэзии. Только глухотой сэра Чарльза к метафоре объясняются его наскоки на Священное Писание. Только бесчувствие к поэзии не дало ему понять, что библейскому тексту он не противоречит. Я думаю, что сейчас покойный это понимает.

Нам, островитянам, вода дана Господом и в помощь, и в наказание. С незапамятных времен она несла наши торговые суда в отдаленные уголки обитаемого мира, до черты, кладущей предел морю и тверди. Но в годину нашего духовного опустошения вода поднималась на грозную высоту, топя людей и заливая поля. Так говорили наши деды. Можно лишь изумляться мере падения человек во времена Ноя, если водой был залит весь мир.

И на сороковой день открыл Ной окно ковчега, и послал ворона узнать, сошла ли где вода. Но ворон сел на мертвые тела, что плавали на поверхности воды, и стал их клевать, и не вернулся. И тогда Ной послал голубя. Голубь же вернулся, держа в клюве ветвь маслины, и Ной понял, что вода начала спадать.

Умер Ной через 350 лет после потопа, всех же лет его жизни 950.

Ксения

Немыслимое долгожительство праотцев кому-то может показаться результатом недоразумения – неправильного, допустим, перевода из одной хронологической системы в другую, ошибки писца и т. д. В таких предположениях, строго говоря, нет необходимости. Всё имеет свое объяснение.

Люди еще были полны райской вневременности. Стоя одной ногой в вечности, они только привыкали ко времени. По мере отдаления от Рая век их сокращался. При этом не стоит думать, что праотцами долгожительство исчерпалось. Нам с Парфением сейчас по триста сорок семь лет, и это никого не удивляет.

Вчера заполняла какую-то анкету. На вопрос сколько вам полных лет? произнесла:

– Триста сорок семь.

Даже не улыбнулись.

Прежде я стеснялась своего возраста, но после ста пятидесяти перестала. Просто некоторые живут дольше – по разным причинам.

И была разделена земля между Симом, Хамом и Иафетом, сыновьями Ноя. Мы же, следует полагать, относимся к племени Иафета, и Остров наш принадлежит к части Иафетовой.

От Ноя до Авраама лет 3324. Когда же Господь обратил взор Свой на Содом и Гоморру, Авраам спросил:

Если найдутся в месте сем пятьдесят праведников, неужели погубишь их?

Господь сказал:

Если найду там пятьдесят праведников, то пощажу место сие.

Авраам же сказал в ответ:

Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел. Может быть, до пятидесяти неостанет пяти, истребишь ли город?

Господь сказал:

Нет, не истреблю, если найду там сорок пять.

И говорил Авраам далее, и спрашивал о сорока, и о тридцати, и о двадцати, и о десяти. И обещал ему Господь сохранить место сие даже ради десяти праведников, но, не обретя там и десяти, пролил дождем на Содом и Гоморру и всю окрестность сию серу и огонь с неба.

Много и иных событий описывают исторические книги, я же упомянул лишь начальные.

В тридцать девятое лето правления своего князь Феодор преставился. По смерти Феодора правил сын его Константин.

Глава вторая

Константин

В лето третье светлейшего князя Константина марта месяца в седьмой день, когда сгустилась над Городом ночь, на улицах стали раздаваться грохот и стоны. Те же, кто выходил из домов, чтобы понять природу этих звуков, были поражены огненными стрелами. Стрелы продолжили сыпаться и днем: их посылали небесные всадники, которые оставались невидимы, а были видны лишь раскаленные копыта их коней.

И поскольку всем стало ясно, что всадники сеют смерть, жители Города не покидали домов, и всё прекратилось вечером того же дня. Никто тогда не мог объяснить ни причину произошедшего, ни его смысл, кроме кузнеца Агапита, который сказал:

По виду явленных подков заключаю, что видение сие не что иное не знаменует, как только войну, ибо такими подковы бывают лишь перед войной.

В лето пятнадцатое Константиново князь Евфимий, чьи предки некогда правили южной частью Острова, обнародовал свое истинное родословие. Истинность его заключалась в том, что род Евфимия происходил будто бы от императора Августа, о чем прежнее родословие, передававшееся устным путем, умалчивало.

Истинное родословие описывало то, как в одном из морских переходов флотилию Августа бурей прибило к Острову, и была эта буря столь жестока и продолжительна, что три дня и три ночи Август не мог выйти в открытое море. Император был принят местной княжеской фамилией, и прислуживала ему сама княжна Мелания. И, по слову истинного этого повествования, уязвися сердце Августа красотой ея, и в первую же ночь ими был зачат предок князя Евфимия Ираклий, ставший родоначальником островной династии.

Новое родословие Евфимий нашел в дупле старого дуба, когда охотился на пятнистого оленя. Спасаясь от преследования Евфимия, олень побежал через поле, на котором стояло одинокое дерево с тайником. Бег оленя был так скор, что Евфимиевы стрелы до него не долетали, но у дуба животное внезапно остановилось как вкопанное и сказало князю на нашем языке:

Здесь обретешь истинное родословие свое.

Евфимий показывал дуб, оленя, но, главное, свиток с родословием, и трудно было усомниться в письменном слове.

Правящий князь Константин, однако же, усомнился. В лето двадцатое своего княжения он задал Евфимию вопрос, отчего пятнистый олень больше не говорил на нашем языке и вообще ни на каком не говорил, а кожа хартии необыкновенно свежа. Он также увидел некое сходство описываемого в хартии с описаниями греческих хроник, ставших с недавнего времени доступными на Острове. Объяснения Евфимия Константин счел невнятными, и тот был заточен в монастырь.

В лето двадцать шестое Константиново была обретена хартия, содержащая новое родословие Константина. Нашли ее в дупле того же дуба. Отличие второго обретения состояло в том, что оленя на сей раз не было. Некий человек, узнав о находке Евфимия, отправился к дубу, чтобы посмотреть, нет ли в дупле еще какого-нибудь свитка. К великому своему удивлению, таковой он нашел и поспешил передать его Константину.

В новом родословии Константина также упоминалось о прибытии на Остров Августа, но говорилось уже о второй ночи императора в княжеском доме. Ее он провел с княжной Иларией, и плодом их всепоглощающей любви стал князь Роман, предок князя Константина.

Насельники монастыря впоследствии рассказывали, что весть о Константиновом родословии Евфимий встретил с тяжкими очами и будто бы даже объявил, что обшарил дупло со всем тщанием, но больше в нем ничего не было. Возражений его, однако же, никто за пределами монастыря не услышал, ибо по прошествии двух дней князь Евфимий скоропостижно скончался.

Парфений

Дальнейшее молчание оленя Евфимий оправдывал тем, что главное в своей жизни животное уже сказало. Что, собственно, оно могло добавить к уже произнесенному? Относительно свежести хартии князь резонно возражал, что сравнить найденный им документ не с чем, потому что других древних свитков на Острове нет.

Когда в результате счастливой находки выяснилось, что Константин ведет свой род также от Августа, некоторым показалось, что два документа вошли в противоречие. На самом же деле родословие Константина предполагало компромисс: говоря о зачатии Константинова предка Августом во вторую ночь, оно не исключало того, что в первую ночь расторопный император успел зачать предка Евфимия.

Сын и наследник Евфимия Прокл на компромисс, однако, не пошел и делиться родством не стал.

В Константиново лето двадцать восьмое падали с небес камни и пепел цвета крови. Видение всех устало, так как не предвещало ничего хорошего. На ощупь камни были горячи, а иные до того раскалены, что в Городе от них загорались дома.

Через год после этого с небес стали падать небольшие серебряные слитки. И хотя были они холодны, подбирать их боялись, ведь никто не знал, какой силой они сброшены. Несколько отчаянных людей стали их собирать, и все смотрели на них со страхом. Ничего, однако, с ними не случилось, кроме того, что они разбогатели. И многие им тогда позавидовали, иеромонах же Авксентий сказал на девяносто шестом году жизни своей:

Мы еще посмотрим, чем всё это кончится.

И все успокоились.

В лето тридцать девятое Константина князь Прокл, старший сын Евфимия, пришел во дворец Константина. Там он объявил, что их род имеет преимущество перед родом Константина, ибо Ираклий, его предок, был зачат Августом на день раньше Романа, предка князя Константина. И очи Константина, по словам окружавших его, также были тяжкими, и в них отразилось желание отправить Прокла в монастырь.

Прокл же молча показал на окна, и всем стал явен доносившийся с площади гул, как бы от перекатывающихся морских волн. Это были, однако, не волны, а людская толпа, пришедшая с князем Проклом ко Дворцу. Она гудела и бурлила, и все подошли к окнам и безмолвно смотрели на нее.

И тогда князь Константин улыбнулся, и взял Прокла за руку, и усадил на высокий стул. Сам же продолжал стоять у него, сидящего, за спиной.

Сказал:

Брат мой, не ночь зачатия существенна, но день рождения. Илария же родила раньше Мелании на две недели, и ты это знаешь.

Прокл этого хотя и не знал, возразить ничего не мог. Он хотел было встать, но князь Константин опустил ему на плечи свои ладони и возбранил это сделать.

Сказал:

Я называю тебя братом, ибо мы восходим к одному предку, августейшему императору Рима. Вижу, что не хватает тебе почета, которого ты достоин по праву рождения твоего. Отныне назначаю тебя наперсником моим, и будешь ты ежедневно делить со мною трапезу.

Такова была сила в ладонях его и речах, что князь Прокл не смог ни встать, ни отказаться. И с тех пор делил с Константином трапезу все дни, хотя дней этих было немного, а именно три. На третий день князь Прокл почувствовал после обеда дурноту и к вечеру преставился.

На рассвете следующего дня в южной части Острова стали собираться вооруженные люди. Судя по их речам, они не верили в естественную смерть Прокла и не скрывали своего намерения за эту смерть отомстить. Уведомили Фрола, младшего брата князя Прокла, но он заверил их, что месть свершится над виновным и без людского участия.

Ближе к полудню положение изменилось. Князь Фрол сам вышел к толпе, и лицо его было мокрым от слёз. Сказав, что пришло время осушить слёзы (и осушив их), Фрол призвал собравшихся к решительным действиям, хотя и не объяснил, что именно имеет в виду. Не дожидаясь объяснений, князь Константин приказал своему войску готовиться к походу на Юг.

Через малое время состоялось отпевание князя Прокла. Епископ Острова Феофан запретил появляться там вооруженным людям, разъяснив, что оружием

покойного являются отныне его добрые дела, которыми и берется Царство Божие.

Князь Фрол требовал отпевать раба Божия Прокла как убиенного, но епископ ему в этом отказал, поскольку не было убийству прямых подтверждений.

Князь же Фрол, показав на посиневшее лицо покойного, закричал:

Это ли не подтверждение, и кто скажет мне, что я ошибаюсь?

Предоставь расследование Тому, Кто никогда на ошибается, ответил Феофан, а ныне смирись и скорби.

Фрол же, скорбя, не смирился, и еще не стихли последние слова надгробных песнопений, как он бросил в лицо Константину тяжкое обвинение.

Князь Константин, как бы справляясь с гневом, помолчал, а затем произнес:

Горе помутило твой разум, брат. Сейчас, когда мы в шаге от междоусобной брани, он должен быть особенно остр. Пойдем же обсудим то, как спасти на Острове мир.

Уж не приглашаешь ли ты меня на обед, улыбнулся князь Фрол, но в улыбке его не было веселья. И не брат ты мне, потому что мой род идет от императора Августа, а твои предки, уж не обессудь, болотная нечисть, и нет у нас общего, как нет общего у света с тьмою.

И беседа Константина с Фролом не состоялась, поскольку как же она могла состояться после таких слов?

И разделился Остров на части северную и южную, как в давние времена, и возобновилось противостояние, которое казалось всем забытым. Не было ведь тогда вражды между людьми Юга и Севера, а многие состояли в родстве, так отчего же они пошли войной друг на друга? Не лучше ли было князьям решить всё в мирной беседе?

Ксения

Так началась война, названная впоследствии Войной родословий, хотя причина ее, подозреваю, лежала вовсе не в родословиях. Фрол после долгих колебаний решил, что пришел удобный момент для того, чтобы взять власть, а Константин (он тоже колебался) подумал, что с угрозой следует расправиться в зародыше, не ожидая ее усиления. Он, собственно, и начал войну, полагая, что будет иметь дело с кучкой преданных князю Фролу людей, и уж никак не предвидел, что на сторону Фрола перейдут все жители Юга. Удивительным образом и сами жители этого не предвидели, поскольку были заняты невоенными делами.

Готовилась ли эта война? В привычном смысле слова – нет. Понятно, что князь Евфимий нашел свою родословную не в дупле, и для чего-то она ему была нужна. Но собирался ли он воевать? Определенно нет: у него и войска-то не было. Хотел, возможно, повысить свой статус. Не думал воевать и князь Прокл, и даже князь Фрол не думал. Эта мысль пришла Фролу в голову лишь тогда, когда вокруг него стали собираться вооруженные люди, еще вчера бывшие земледельцами, ремесленниками, моряками.

Что заставило этих людей бросить свое благополучие, сменить спокойную жизнь на тягчайшие муки и в конце концов прийти к полному ее разрушению? Идея справедливости? Но отчего прежде она не стучала в их сердца с такой силой? Они пришли поддержать того, чьи обиды были им, в сущности, безразличны и кто ни о чем их не просил. Не входила война и в планы князя Константина. Она не входила ни в чьи планы – и тем не менее началась.

Внезапный диссонанс, негромкий, как звук лопнувшей струны, объединил всех в общем действии. В этом ли звуке было дело? И да, и нет. Бывало, что лопались все струны, и этого никто не слышал. Отчего же услышали сейчас?

Военные действия открыл светлейший князь Константин. В лето сорок первое своего княжения он двинул войско на южную часть Острова, но войной это не называл, поскольку весь Остров считал своей вотчиной. И навстречу войску, держа руку на наперсном кресте, вышел епископ Феофан.

Сказал:

Именем Господа нашего Иисуса Христа, на крестном древе распятого, запрещаю вам дальнейшее движение, ибо надеюсь на сохранение мира.

Подобно тебе, владыка, возразил князь Константин, я тоже на это надеюсь, и оттого привел войско в движение. В княжестве моем – измена, так что же ты возбраняешь мне вырвать ее корень в лице предавшего нас князя Фрола? Кроме Фрола, заверяю тебя, никто мне не нужен, но, пока он не схвачен, Остров наш будут сотрясать перевороты и войны.

Епископ же, настаивая на своем, ответил:

Вырывая один корень, ты повредишь много других корней, ведь разве ты, светлейший князь, не видишь, что они сплелись? И вот тебе мое последнее слово: сначала убей меня, а уж потом действуй по своей воле.

Всадник сверху вниз смотрел на Феофана, который стоял на земле, и взгляд светлейшего был мутен от гнева. Он тронул поводья, но Феофан вцепился в стремя, и его повлекло вслед за лошадью. Ноги его скользили по земле, он же не выпускал стремени, и в глазах видевших это стояли слёзы. И когда Константин пустил лошадь галопом, Феофан полетел под копыта, но ангельским вмешательством остался невредим.

Князь Константин, отъехав, остановился. Он не велел убивать епископа Феофана, а приказал его обойти. И объезжали воины Феофана, и стоял он, как коряга на отмели, обтекаемая стремительным потоком. Он и был похож на корягу – с раскинутыми старческими руками, неподвижен, взъерошен, нем.

Войско давно уже было за его спиной, и даже поднятая идущими пыль успела осесть, а Феофан оставался недвижим. Он молился о своем народе, сосредоточив в молитве все бывшие у него силы. И так велико было напряжение его духа, что иногда ему казалось, будто он взлетает. Когда же епископ понял, что это ему не кажется, он остановил молитву, поскольку не желал потерять почву под ногами. Говорят также, что Феофану, когда он оторвался от земли, явился ангел, спасший его от копыт лошади.

Ангел сказал:

Молитва твоя, о священная главо, бессильна против грехов людей твоих. Желание войны не есть по отношению к ним нечто внешнее, оно рождено в сердце каждого из них.

Как же можно желать боли и смерти, хотел было спросить Феофан, но печальное лицо ангела стало ему ответом до вопроса.

Войско Константина шло, не встречая сопротивления и вообще никого не встречая. Обретались лишь пустые деревни, из которых жители, зная суровый нрав князя, бежали. Константин же, не встреченный подданными, впал в ярость и велел жечь их дома, полагая, что бежавшие примкнули к князю Фролу. На деле же это было не так, и к Фролу они примкнули после того, как лишились домов, оттого что возвращаться им было некуда. И, очерстнев сердцем, стали они самыми ожесточенными из воинов Фрола, поскольку одно зло влечет за собой другое.

Продолжая продвигаться на юг, в лето сорок третье княжения Константина войско его углубилось в Лес. Известно ведь, что лесные дебри в этой местности густы и труднопроходимы, и нет там больших дорог, но только узкие тропы. Долгое время войско двигалось вперед, растянувшись на несколько поприщ, пока не остановилось перед множеством наваленных на тропе стволов деревьев. Когда же идущие впереди спешили, чтобы растащить стволы, то внезапно слева и справа в них полетели тучи стрел, и Константин понял, что попал в ловушку.

Войско его не могло даже отступить, потому что на передних наседали задние, не знавшие еще о засаде. Случившееся, однако, вскоре стало явно и им, так как стрелы полетели и в них, и в ехавших рядом, и во всё растянувшееся войско Константина. Стреляли с деревьев, из-за кустов и поваленных стволов. Острия стрел были пропитаны соком ядовитых трав, отчего даже легкая рана неизбежно влекла за собой смерть. Стрелявшие же были неуязвимы.

И войско Константина стало отступать туда, где деревья казались реже и откуда не летели стрелы. Часть воинов прикрывала это отступление, основное же войско устремилось в редевший Лес, и этому никто не препятствовал. Вскоре за деревьями показался луг, и Константин приказал всем двигаться туда, чтобы развернуться в боевой порядок.

Когда же всадники въехали в высокую траву, под копытами лошадей зачавкала вода, а луг оказался болотом. Теснимые людьми Фрола, они не могли уже вернуться на тропу и продолжали движение вперед, поскольку вода казалась им неглубокой. Говорят, что там были мелкие места и имелись пути для спасения, если идти ощупью, но войско Константина гнал страх. Лошади стали соскальзывать в топь, увлекая за собой всадников. Ноги, скованные трясиной, не могли избавиться от стремян.

И стоял стон ужаса, ведь трясина засасывает, как живое существо, и многим это напоминало адскую муку. Грязь медленно смыкалась над кричащими, и крик превращался в пузыри. Люди же Фрола стояли на сухих местах и расстреливали спасшихся, за что позднее епископом Феофаном были лишены причастия на двадцать девять лет.

Те из Константинова войска, кому удалось выжить, проблуждав несколько недель по Лесу, вернулись домой без сил и, добавлю, без всякого желания воевать. Так Остров оказался окончательно разделенным на две части, и Югом теперь правил князь Фрол.

Придя к власти, Фрол стал укреплять вокруг Крепости вал, ибо в отсутствие войн земля с него осыпалась, а на вершине выросли деревья. С Большой земли, называемой Континентом, князь призвал также людей, сведущих в военном искусстве, и поручил им свое войско. Он понимал, что война способна возобновиться, поскольку был одним из тех, кто желал ее возобновить.

Ксения

Семейные предания упоминают о том, что еще в первую войну Фрол хотел было продолжить наступление на Константина, но затем от этой мысли отказался. Он сознавал, что удавшееся в Лесу повторить на открытом пространстве будет не так-то просто. К тому же значительная часть армии Константина в несчастливом походе не участвовала, а значит, и не была деморализована. Наконец, у Фрола не было своей обученной армии. За ее создание он и взялся прежде всего.

В лето пятидесятое светлейшего Константина женщина, готовившая для епископа Феофана пищу, именем Ангелина, понесла во чреве своем и спустя

девять месяцев родила. Выйдя на Главную площадь, она объявила во всеуслышание, что отец ребенка – Феофан.

И пришли к Феофану люди Константина и сказали:

Не печалься, о епископе, ибо это дело житейское. Жизнь без женщин трудна, и чего только не случается в час приготовления пищи. Князь наш мудр, он не ставит тебе этого в вину, а, напротив, зовет тебя во Дворец для доверительной беседы. Что до Ангелины, чье житие никогда не было ангельским, то он, поверь, заставит ее отречься от обвинений.

Епископ же Феофан отказался идти к князю, сказав:

Женщина говорит неправду, я же уповаю здесь не на князя, а на Господа нашего Иисуса Христа, Которому ведомы все людские дела и помышления.

Его слова заглушались криками с улицы, требующими для островитян другого епископа.

Получив ответ Феофана, князь Константин пожал плечами и поступью справедливого вышел из Дворца к толпе. Некоторое время молча смотрел на нее. Люди кричали ему, что не могут целовать епископскую руку, которая ласкает женщин. Начав говорить, он как бы задохнулся от праведного гнева и выразил собравшимся свое понимание. По малом же времени с усилием овладел собой и сказал, что нельзя ничего предпринимать без расследования. Толпа благословляла его мягкосердечие, но требовала привести для разбирательства всех участников свершившегося, и все они, включая двухнедельного младенца, были приведены.

Чтобы доказать свою правоту, Ангелина сообщила, что у епископа на левом бедре большая родинка. Немедленно был вызван епископский банщик, который подтвердил наличие родинки. И наступила тишина, ведь до слов банщика многие еще надеялись на оправдание Феофана.

Феофан же молчал и молился.

Против тебя, о епископе, выдвинуты тяжкие обвинения и весомые свидетельства, сказал Константин. Чем ты на них возрадишь?

Возражу не я, но младенец, ответил Феофан, и в толпе раздался смех.

Боюсь, что его свидетельство будет не всем понятно, предположил князь Константин, который не смеялся. Будет понятно лишь тем, кому от роду две недели.

Но старец подошел к младенцу и воззвал к нему громким голосом:

Во имя Сына Божия Иисуса Христа скажи мне, мой ли ты сын.

И младенец ответил ему внятной речью:

Нет, епископе, я не твой сын.

Так была явлена невиновность епископа Феофана. Когда же его попросили узнать у младенца, кто его отец, Феофан сказал, что для этого можно не обращаться к младенцу, но достаточно спросить у Ангелины.

Парфений

Говорят, Константин поспешил прекратить дознание. Это обстоятельство породило слухи о причастности князя если не к зачатию ребенка, то к обвинению епископа. Мотивом такого поступка могло стать несогласие Феофана с походом Константина на Юг, и тогда речь шла бы о мести.

Не исключено, однако, что месть была здесь ни при чем и причины были чисто прагматические: князю попросту не хотелось, чтобы столкновения власти светской с властью духовной повторялись в дальнейшем – недаром хронист упоминает о доверительной беседе, от которой мужественно отказался Феофан. В этом случае следует предположить, что уже тогда новый поход не казался Константину чем-то невозможным.

В лето пятьдесят пятое Константина была великая сушь. И засеянные поля не дали всходов, а что и взошло, выгорело под лучами палящего солнца. Начались также лесные пожары, особенно в южной оконечности Острова, где обычны сильные ветра с моря. Дым несло в глубь Острова, так что в некоторые дни он стоял сплошной пеленой, скрывая солнце.

Таких пожаров не помнил никто, сколько хватало памяти живущих, да и предания о подобном не упоминали. Достойным удивления было еще то, что пожары двигались вдоль береговой линии с севера на юг, так, будто кто-то поджигал там Лес, но мысли о поджогах никто не допускал, ибо в час всеобщего горения кому, спрашивается, пришло бы в голову что-то еще и поджигать? В необычном движении пожара видели сознательную силу того, кто от века воюет с родом человеческим, а потому обратились к епископу Феофану.

Епископ же сказал:

Нет надобности, чада, искать в областях потусторонних, поскольку дурные желания рождаются и в сердцах людей. Князь ли мира сего или, допустим, просто князь всему виной, меня это очень беспокоит. Поделюсь своими опасениями со святым Архангелом Михаилом.

Отчего с Архангелом Михаилом, удивились пришедшие, ему ведь ты молился в послевоенное время о сохранении мира, тогда как сейчас нужно остановить пожар?

Я пытаюсь остановить худший пожар, ответил старец, а нынешнее время предлагаю считать предвоенным.

Оставшись один, Феофан встал на молитву.

Через десять месяцев явился ему ангел, прежде им виденный, и сказал:

Я послан сообщить тебе, что путь к войне уже прожжен - в Лесу, ну и, конечно, в сердцах людей. Тебе же будет явлена милость, и выразится она единственно в том, что войны ты уже не увидишь. Так позаботься же, Феофана, о гробе для тела твоего, потому что о душе бессмертной ты заботился всю жизнь.

И, услышав это, Феофан заплакал. Не потому, что боялся умереть, но от боли за свой народ. С того дня он взялся за изготовление гроба. Поскольку делал его из дуба, дерева твердого, работа подвигалась не быстро, но епископ и не торопился.

Спустя два года, когда ложе гроба было закончено, Феофан стал использовать его для ночного сна. За те месяцы, что он работал над крышкой, ему удалось выровнять те места ложа, которые доставляли неудобство. Спать в гробу владыке понравилось, и сны его там были светлы.

Снилось ему по преимуществу детство, проведенное у моря, ибо он родился в семье рыбака. Краски и запахи были до того свежи, что иногда заставляли его просыпаться, и тогда он снова спешил заснуть, потому что явленное ему в снах было притягательно. Он рассказывал, что видел лазурное море на рассвете, а случалось, слышал запах смолы, которой отец покрывал лодку. Как в детстве, отталкивался от берега и, сложив весла, ложился на просоленные сети и смотрел в небо, и лодку покачивало, и небо ему казалось морем, а море – небом. И тогда свой гроб он начал называть лодкой, утверждая, что всякую ночь отправляется в плаванье.

Однажды утром Феофан не покинул своей кельи. Войти же к нему не смели, но стояли молча, пока не привели старца Авксентия, ста четырех неполных лет, не стареющего и не умирающего. Он вошел к епископу и, проведя у него некое время, появился с улыбкой на устах.

Сказал:

Мореплаватель Божий Феофан в ночь сию заплыл за оком, откуда плавающим и путешествующим обыкновенно нет возврата.

Еще сказал:

Несомый дружественным течением, епископ Феофан желает вам здравствовать.

Парфений

Описание пятьдесят пятого года княжения Константина примечательно в первую очередь тем, что История Острова переходит в руки другого хрониста. Это следует не из перемены стиля (у всех хронистов он примерно одинаков, за исключением, пожалуй, Прокопия Гугнивого) – просто ряд источников под этим годом сообщает о смерти Никона Историка.

О Никоне нам почти ничего не известно. От него осталось только имя, и это еще не худший случай: от множества других историков не остается даже имен. Средневековые авторы обычно анонимны, поскольку представляли не личный свой взгляд, а общий, одухотворенный верой. Точнее, общий взгляд, бывший одновременно и личным.

В отличие от нас, людей, так сказать, старой формации, человеку Нового времени трудно понять, как это возможно. Всё дело в том, что в центре средневекового мира был Бог, а в центре нынешнего – человек. Бог один для всех, и потому взгляд Средневековья – это взгляд сверху, ведь только сверху можно охватить всех. Он отражает единственного Бога, и оттого тоже единственный. Сейчас же, когда в центре мира человек, взглядов много – как людей.

В лето шестидесятое светлейшего князя Константина по грехам нашим великая сушь продолжалась.

В то же лето Епископом Острова был поставлен Афанасий.

В лето шестьдесят первое Константиново опять не было урожая вследствие великой суши. Поскольку съестные припасы, по обыкновению, хранились в северной части Острова, первыми их нехватку ощутили жители южной части. И тогда епископ Афанасий призвал князя послать на Юг часть малую от хранившегося зерна, чтобы живущие там люди не умерли.

Князь же Константин отвечал:

Юг откололся не только от Севера, но и от съестных припасов. Как могу кормить чужих, когда завтра есть будет нечего своим?

В лето шестьдесят третье Константиново, начиная с весны, пошли дожди. К концу мая, когда дожди стихли, князь двинул свое войско на Юг. В этот раз он пошел по выжженной части Леса и не встретил там препятствий, но только малые деревья, прозябшие на пожарище.

Далее шли полем, засаженным долгожданными злаками, и там их также никто не встретил, кроме одного только престарелого крестьянина Елевферия, который сказал:

Зачем топчете посеянное? Сравнил бы вас, наверное, с саранчой, но боюсь лютыя смерти.

Некие же воины хотели Елевферия убить, но его закрыл собой епископ Афанасий, поехавший с войском для умягчения сердец.

Ксения

Войско князя шло по засеянному полю неслучайно, как неслучаен был и поход, начавшийся в мае, когда на полях появились первые всходы. Константин понимал, что, если этот урожай будет собран, шансы его на победу над князем Фролом резко уменьшатся. Он знал, с какой тщательностью готовился Фрол к обороне, и голод был его, Константина, главным союзником.

По мере приближения к Фроловой Крепости войску Константина всё чаще встречались деревни и хутора, и все они были пусты, ибо жители их бежали под защиту крепостных стен. Там же они надеялись найти себе хоть какое-то пропитание, хотя после длительной засухи и в Крепости его почти не было. То немного из еды, что было у князя Фрола, он делил между солдатами своего войска. Оттого мужчины из беженцев вступали в войско, ведь только так они могли прокормить свои семьи.

Подойдя к Крепости, князь Константин удивился тому, как она изменилась. Он знал от лазутчиков, что Фрол занимается ее перестройкой, но таких перемен не предполагал. Окружавший Крепость ров с водой был расширен, а стены стали так высоки, что Константину показалось, будто проплывавшие облака задевали

их зубцы. И он спросил у стоявших рядом, задевают ли. Те же ответили ему в один голос:

Нет, не задевают.

Когда передовой отряд в первый раз приблизился к северной стене Крепости, оттуда полетели стрелы. Из-за стены поднялись дымы невидимых костров, а вскоре на деревянных подъемниках показались котлы. Подъемники были подвижны и перемещали котлы так, что те оказывались над внешней стороной стены. Котлы качались на цепях, и время от времени из них проливалось то, чем они были полны: кипятком и смола.

Воды в Крепости было в достатке, поскольку через нее протекала Река. В смоле также не испытывали нужды, многие ведь в этих краях занимались рыбным промыслом и смолили ею свои лодки. И передовой отряд князя Константина отступил на расстояние полета стрелы, основное же войско тоже не пошло дальше.

И тогда сказал Константину епископ Афанасий:

Ты видишь, князь, что Крепость хорошо защищена, а взять ее можно лишь через великие жертвы. Смири в себе гордый дух и возвращайся в Город, пусть это будет твоей жертвой Всевышнему.

Князь же ответил:

О какой жертве ты говоришь? Как возвращаться мне, когда богоненавистный Фрол принес в жертву единство Острова?

Никакое единство, возразил епископ, не стоит человеческой жизни. Если единство угодно Богу, Он вернет его и без тебя, а если не угодно, так зачем его и возвращать?

Князь Константин, однако, не послушал епископа. Прервав бесполезное стояние, в рассветный час он двинул свое войско на Крепость. Протекшее время Константин посвятил подготовке плотов, на которых надлежало преодолеть рвы с водой. Часть их он привез из Города, а часть велел изготовить на месте. Перед

началом сражения обратился к епископу за благословением, но Афанасий ему в этом отказал.

Буду лишь просить ангелов небесных, ответил, чтобы прикрывали всех воюющих невидимыми щитами.

Князь же посмотрел на него протяжным взглядом.

Сказал:

Важно, епископе, чтобы ангелов на всех хватило. И щитов тоже, а то некоторые ангелы летают, слышал, с пустыми руками.

Как только войско Константиново стало спускать плоты на воду, со стены посыпался град стрел. И хотя идущие на приступ пытались закрываться щитами, стрелы находили путь к их телам. И вновь, как прежде в Лесу, на острия стрел была нанесена отрава, и малейшая царапина оборачивалась смертью.

Когда же части войска удалось преодолеть ров и шедшие впереди начали приставлять к стене лестницы, сверху на них полились кипяток и смола. И страшно было видеть, как обваренные люди падали с лестниц, и крики их уже не напоминали человеческие. Плоть их отслаивалась от костей, и была черной от смолы, будто они родились в тех странах, где люди, говорят, черного цвета. Обваренные бились в судорогах на земле, а некоторые скатывались в ров и тонули, потому что одна лишь холодная глубина воды способна была избавить их от нестерпимой боли.

И тогда, подняв крест, ко рву вышел епископ Афанасий и закричал что есть силы:

Именем Божиим приказываю всем остановиться!

Но голос его утонул среди криков сражающихся и стонов умирающих. Так он стоял, а мимо него пролетали стрелы, и ни одна из них его не задела, ибо у правого его плеча пребывал ангел со щитом, и этого ангела видели чистые сердцем. Когда же стало ясно, что воюющие к призыву епископа глухи, слова его были повторены ангельским гласом. И был этот глас как гром небесный,

которого все трепещут, и никто не нашел в себе сил послушаться.

Прикрываемый щитами неангельскими, на стену вышел князь Фрол. В течение трех дней молча смотрел он на епископа и его ангела, а также на царящую внизу смерть. Епископ же встал на один из плотов и, возложив на себя крестное знамение, медленно погреб к крепостной стене.

Сказал Фролу:

Дай увезти раненых и погresti убитых.

Фрол молчал, но не препятствовал, а напротив, дал знак защитникам Крепости, чтобы не стреляли. Видя это, епископ и люди Константиновы стали укладывать мертвых и еще живых на плоты. На скорбное прибытие плотов с пригорка смотрел Константин, и слёзы омывали его лицо, а он думал, что никто этого не видит.

Слёзы же его так блестели на солнце, что не укрылись от Фрола, который сказал:

Этого ли ты хотел, Константин?

Фрол сказал это тихо, но Константин неким образом его услышал. Возможно, средним ухом, которое, как пишут в книгах, имеется у всякого человека.

Ответил так же тихо:

Нет, не этого, Фрол.

Ответил:

Я хотел единства, и я его добьюсь.

И ветер вложил его слова в ухо князю Фролу, а Фрол лишь покачал головой. Он тоже хотел единства, но только под своей властью.

Князь Константин продолжал стоять на пригорке и следить за тем, как плоты, причаливая в сотый раз, доставляли изувеченные тела.

Прошептал:

Я читал книги о великих империях и о народах, принявших спасительное иго. Почему так не происходит на Острове, где живут не разные народы, но один? Единство улучшит их жизнь, так отчего они этого не понимают? А теперь их не ждет ничего хорошего.

С этого дня началась осада Крепости.

В тот год погода благоприятствовала земледельцам, и на обеих частях Острова урожай обещал быть обильным. Там, где поля не были вытоптаны войском князя Константина, пшеница взошла хорошо. Защитники же Крепости, видевшие это со стен, были от своих полей отрезаны.

Князь Фрол знал, что съестных запасов почти не осталось, и хотел было закупить хлеба на Большой земле. Константин, предвидя это, вывел свой флот в море, остановил суда с хлебом и пригрозил, что в следующий раз их сожжет. И суда развернулись и отплыли к Большой земле, и больше не возвращались.

Тогда Фрол, посулив немалые деньги, уговорил двух корабельщиков доставить хлеб ночью, но люди Константина перехватили их и сожгли суда. Они горели в ночи, подобно двум факелам, а видевшие это с крепостных стен плакали.

И в Крепости начался голод. Лошадиная голова стоила десять динаров, но и ту скоро стало невозможно купить, и тогда начали есть собак, голубей и крыс. Варили кожаные ремни, сёдла и сапоги. Когда всё это было съедено, над домами не стало дыма, даже и над теми, где что-то еще оставалось, поскольку дым выдавал, что в доме есть пища, и туда приходили разбойники. Те же, у кого еще оставались запасы муки, ели тесто сырым, чтобы не выдать себя.

На восьмой месяц осады в Крепости стали есть людей. Их подстерегали ночной порой на улице, убивали и съедали, особенно детей. Рассказывали, что мать пятерых детей убила своего младенца, чтобы накормить старших, а затем лишилась рассудка. Иные же говорили, что рассудка она лишилась до того, и что, когда варила младенца, была уже безумна. Это подтверждали пришедшие

на дым разбойники, которые ужаснулись увиденному и ушли, ничего не тронув. И на улицах повсюду лежали мертвые тела, и никто их не убирал, а напротив, под покровом ночи отреза?ли от них куски мяса, чтобы съесть.

Перебежчики рассказывали князю Константину о положении осажденных, и в один из дней он направил к крепостной стене своего посланника Анисима.

Когда на стене собрался народ, Анисим обратился к стоявшим:

Князь наш, светлейший Константин, не питает к вам зла и никого из вас не тронет, кроме одного только Фрола. Выдайте ему Фрола, и будете спасены, ибо не выживете без еды, которая у вас уже кончилась.

На это воевода Орест ответил ему, что люди в Крепости продержатся ровно столько, сколько нужно для победы над супостатом Константином, а князя Фрола не выдадут.

Окинув взглядом воеводу, посланный Константином Анисим сказал:

Для таких слов у тебя, Орест, слишком сытый вид, я же обращаюсь к крепостным мученикам и страдальцам.

Эти слова не покинули еще уст говорившего, как пущенная со стены стрела вонзилась ему в грудь. Постояв мгновение, Анисим рухнул на землю. На стене же возникло некое смятение и борьба, которые свидетельствовали о том, что не все были согласны со сказанным Орестом.

Неделей позже в Крепость отправился епископ Афанасий. Он встретился с князем Фролом и попросил отпустить из Крепости тех, кто стремился ее покинуть. Фрол, однако, не согласился, потому что знал, что уйти хотят слишком многие.

Ты делаешь этих людей заложниками, сказал князю Афанасий.

Ты ошибаешься, епископе, ответил Фрол. Заложниками их делает Константин, обрекший людей на голод, и каждая загубленная жизнь станет его смертным грехом.

После молчания епископ сказал:

Смертный грех поделится на вас двоих, но это не сделает твою часть легче.

Спустя еще месяц в Крепости начались бунты, потому что князь Фрол никого из нее не выпускал. Тогда людей охватил великий гнев, и это был гнев отчаяния. Бунты жестоко подавлялись войском, которое Фрол кормил тем немногим, что у него еще оставалось. Когда же кончилось и это, гнев, как моровое поветрие, перекинулся на войско. И князю Фролу стало ясно, что главная опасность для него лежит не вне Крепости, но внутри нее.

Послав за епископом Афанасием, Фрол объявил ему, что готов сдаться, если князь Константин сохранит ему жизнь и свободу. Константин должен был поклясться на кресте, что отпустит пленника после того, как тот, также через крестоцелование, признает Константинову верховную власть.

По возвращении епископ передал князю Константину слова Фрола. Обдумав услышанное, Константин в присутствии народа целовал крест, что отпустит пленника, и об этом без промедления доложили Фролу.

И тогда ворота были открыты, и войско вступило в Крепость во главе с князем Константином, который ехал верхом. Встретили же их с ликованием – как освободителей, и возложили на Константина лавровый венок. Из войска людям в Крепости бросали хлебы, которые тут же разрывались на части и исчезали в голодных ртах осажденных. Люди собирали также упавшие крохи и дрались за них, катаясь по земле.

Когда же из княжеских палат вывели Фрола, тот поклонился Константину до земли.

Сказал:

Помни, князь, о клятве на кресте, что после признания мной старшинства твоего отпустишь меня.

И ответил ему Константин:

Помню, Фрол, о клятве своей, но даже признания твоего ожидать не буду, а отпущу тебя сей же час.

Сказав это, сделал знак страже, и она отступила от пленника. Тогда вокруг Фрола разом сомкнулась толпа, как перед тем смыкалась вокруг бросаемых хлебов. И столь ненавидели князя томившиеся в Крепости, что через мгновение он был умерщвлен. Стража не успела вмешаться, но и не слишком, по словам очевидцев, она спешила, поскольку прямого указания вмешиваться не получала.

Всадник Константин в лавровом венке смотрел на изувеченное тело своего врага, как вдруг из толпы в него полетело копье. Князь был без кольчуги, ведь приехал не воевать, так что грудь его оказалась для копья беззащитной. И, повиснув на стремях, умер он мгновенной смертью. Никто в суматохе не заметил, кем было послано копье, а некоторые говорили, что послано оно было рукой ангела в наказание за его вероломство.

Так закончилось великое противостояние Константина и Фрола, Севера и Юга.

Парфений

При создании великих империй воплощалось всеобщее стремление к объединению, и всякий раз историки находили какие-то для этого причины. Но теми же причинами они впоследствии объясняли и распад империй, всякий раз заявляя, что причины на поверхности. Пожалуй, что на поверхности – в том смысле, что все они очень поверхностны.

Глубинных причин не знает никто. Мы лишь нащупываем их, смутно ощущая ритм сближений и отталкиваний. А пока, увы, изучаем волны, забывая о приливах и отливах.

Время собирать камни, и время разбрасывать камни. При желании можно объявить (причины на поверхности), что собирает этот человек хорошие камни, а разбрасывает плохие, – только это ведь ничего не объясняет в его необычном занятии. Он делает это из любви не к камням, но к ритму.

Некоторые вещи прекращают свое существование не потому, что они плохи: просто их время вышло. И начинают свое существование не потому, что хороши: их время, наоборот, пришло. Время собирать камни, и время разбрасывать их. Может быть, ответ – время? Время и ритм.

Местом абсолютной гармонии был Рай, но эту гармонию люди нарушили, обрекая себя на пот, кровь и смерть. Были тому разумные причины? Похоже, нет: вижу лишь пресыщенность покоем и готовность к бегству. Но маятник снова качнулся, и потомки бежавших мечтают о потерянном Рае.

Наивысшая гармония шахматных фигур существует при их первоначальной расстановке; первый же ход является ее нарушением. Всякий следующий ход только усугубляет дело, но не ходить – нельзя. Таков неумолимый закон шахмат, и не играющие его придумали.

Юг Острова не испытывал притеснений от Севера, и его жителям не был дорог князь Фрол. Они приняли его сторону, повинувшись странному ритму истории и своей безотчетной тяге к движению. Когда от скорости движения засвистело в ушах, этих людей снова стал манить покой.

Константин и Фрол были созданы друг для друга и делали общее дело. В каком-то смысле они были неразлучной парой и умерли в один день.

В один день мечтаем умереть и мы с Ксенией.

Глава третья

Михаил

По смерти князя Константина Островом правил сын его князь Михаил. Начало его княжения не было безоблачным, ибо князь Андроник, сын убитого Фрола, не спешил признавать первенство Михаила. Он объявил, что признание его отцом первенства Константина не распространяется на него, и потребовал встречи с Михаилом.

На встрече князя говорили о родословиях, поскольку из-за них и началось горестное противостояние. После недельных споров было обретено согласие, которое состояло в следующем. Обоими князьями признавалось, что первую ночь император Август провел с княжной Меланией как с прекраснейшей в княжеском семействе. Август, однако, искал в отношениях глубины, и оттого вторую ночь провел с княжной Иларией, и поиск его оказался не напрасен.

Невзирая на обнаружение искомого, утром следующего дня император покинул Остров и никогда более сюда не возвращался.

Первой родила Илария, что, по соглашению князей, давало ее роду преимущественное право на власть в сравнении с родом Мелании. И князь Андроник подтвердил признание этого права, хотя выражение его лица было в тот час задумчивым.

Парфений

После войны родословий князя пришли к согласию. Август, оказывается, пребывал на Острове в течение двух, а не трех дней. Вместе с третьим днем, по мысли Михаила и Андроника, отсекалась возможная третья династия.

В этой попытке обезопасить себя от третьей силы может быть увидена некоторая, что ли, наивность. В самом деле: аргумент не выдерживал критики. Человек, ставший в течение двух дней родоначальником двух династий, вполне, казалось, способен был дать начало и трем, и большему количеству династий, уложившись в те же два дня. Это – с точки зрения физиологии. Если же смотреть на историю метафизически, то основание династии несводимо к зачатию и требует, бесспорно, отдельного дня, потому что этот день сам по себе – эпоха.

Примечательно, что в ходе достижения компромисса красоте одной из праматерей противопоставлена глубина другой. Можно, конечно, удивляться тому, что о женщинах к моменту договора князей выяснились новые подробности: в течение многих веков об островных привязанностях Августа Клио не проронила ни звука.

Здесь проявляет себя отношение к миру как к произведению искусства. Только красивое истинно или, выражаясь в духе хроники, глубоко. И наоборот: только

глубокое по-настоящему красиво. Чтобы тексту верили, он должен быть красив. Именно это обстоятельство снимает вопрос, почему Август, найдя глубину, тут же уезжает. Что уезжает – неважно, главное: он нашел то, что искал.

Задумчивость князя Андроника показалась князю Михаилу плохим знаком. Он понимал, что договор их непрочен и от первого же порыва ветра падет, как дом, который построен на песке. И тогда он обратился к епископу Афанасию и поведал ему свои тревоги о будущем.

Тревожась, князь, о настоящем, посоветовал Михаилу епископ, ибо будущее приходит в виде настоящего. Помочь здесь может лишь Агафон Впередсмотрящий, который, пренебрегая временем, не тревожится о будущем.

Услышав это, князь Михаил призвал Агафона и поделился с ним своей тревогой.

И Агафон сказал:

У тебя, князь, будет сын именем Парфений, что значит девственник. У князя же Андроника родится дочь Ксения, то есть чужая, что можно понимать как чужая миру. И соединятся в браке, и с их соединением на Острове утихнет междоусобица.

Случится ли это в обозримое время, спросил князь Михаил.

Необозрима только вечность, ответил Агафон Впередсмотрящий.

Узнав о сказанном Агафоном, князь Андроник к заключенному договору стал относиться с бо?льшим воодушевлением. Предсказания Агафона вызывали у него большее доверие, чем обещания Михаила.

В лето пятое Михаилова княжения на Остров приплыл некий кузнец с говорящим псом, который был слеп. Кузнец тот брал у людей золотые перстни и ожерелья, зарывал их в землю, а затем приказывал псу отыскивать. И откапывал пес драгоценность за драгоценностью, и, взяв зубами, возвращал владельцам, и говорил о каждом: кто милостив и благ, а кто, напротив, блудник и прелюбодей.

Иные же, убедившись в ясновидении пса, предпочитали расстаться со своими украшениями и незаметно убегали, только бы не слышать произносимых им горьких слов. И как он ни разу не ошибся, все говорили, что имеет пес дух пытливый, хотя и волховской. Перед тем как отплыть с кузнецом в неизвестном направлении, пес предрек нашествие на Остров моровой язвы.

Видя, что прежде пес не ошибался, все весьма обеспокоились и спросили Агафона Впередсмотрящего о том, не ложно ли предсказание о язве.

Агафон же сказал им, отвечая на вопрос вопросом:

Что проку в знании о том, перед чем вы бессильны?

Отчего ты, Впередсмотрящий, не хочешь предупредить нас о пагубном поветрии, возразили люди. Мы бы предприняли какие-то меры к спасению, пусть даже их на самом деле и нет.

На это Агафон ответил им с печалью:

Не я ли предупреждаю вас ежедневно, что пьянство пагубно, и указываю действенные меры к спасению? Так ответьте мне, много ли вы до сих пор предприняли?

Ксения

О предстоящей моровой язве Агафон Впередсмотрящий говорил князьям неохотно, и ничего не сказал об их смерти. Он не любил смотреть вперед. Строго говоря, само прозвище Впередсмотрящий было дано ему не вполне справедливо: Агафон смотрел одновременно во все стороны.

Он видел наступающие события с той же ясностью, что и наступившие. Первые, возможно, даже яснее, потому что их не искажало несовершенство человеческой памяти. История, учил Агафон, повествует не столько о прошлом, сколько о настоящем.

В одной из своих проповедей он рассматривает вопрос о предопределенности событий. Утверждает, что предопределенности нет. Есть свободный выбор человека, который приводит к тем или иным событиям.

Так говорил Агафон.

Обсуждая эту главу хроники, мы с Парфением коснулись свободы выбора. Я не понимала, как безграничная свобода выбора может не нарушать всемогущества Божьего.

Парфений сказал:

– Почему, радость моя? Может. Просто любой – даже самый свободный – выбор человека Богу заранее известен.

Я подумала: муж называет меня радость моя. Уже целую вечность мы составляем радость друг друга. Мы – свободный выбор друг друга, хотя обвенчали нас, не спрашивая согласия. Можно было бы сказать, что выбор осуществился после, в ходе нашей совместной жизни, но такое объяснение было бы легковесным. Оно точно не понравилось бы Агафону, пренебрегавшему временем. Выбор осуществлялся не после венчания, а внутри него.

Многое мне в Агафоне созвучно. Изредка я угадываю кое-что из будущего, но об этом не говорю. Не потому, что скрываю, – просто не могу выразить. Ни в коем случае себя с Агафоном не сравниваю: он предвидел, а я предчувствую. Это не поддается слову.

В лето седьмое царствования светлейшего князя Михаила жена его, княгиня Зоя, майскими днями почувствовала себя несправной. Тогда же, в месяце мае, от князя Андроника понесла княгиня Евпраксия.

В августе месяце седьмого лета княжения Михаила Остров охватило моровое поветрие. Началось оно на Большой земле, а на Остров перенеслось корабельными крысами.

И тогда спросили Агафона князь Михаил и князь Андроник:

Зачем, спрашивается, были зачаты наши дети, если им суждено погибнуть от мора?

Во всём, что касается зачатия, вопросы к третьему лицу не вполне оправданны, ибо оно осуществляется двоими, ответил Агафон. Одно лишь скажу: дети спасутся.

В течение недели мор охватил весь Остров, и не было от него спасения нигде. Некоторые уходили в Лес, надеясь, что страшная болезнь там их не настигнет, а иные строили шалаши на пустынном берегу. Но жизненные надобности заставляли их хоть изредка посещать свои дома, и обратно они приходили, уже неся в себе частицы смертоносной язвы, которые становились явными по возвращении.

Пораженный мором прежде всего чувствовал как бы удар рогатиной под лопатку или в грудь против сердца, и разболевался, и начинал харкать кровью. Потом словно бы жгло его огнем, а дальше начинала бить дрожь. И набухали железы в разных местах, у кого на шее, у кого на бедре, а у иных под мышкой или под скулой, а еще под лопаткой или в паху.

В первый месяц мора умер иерей Иоанн, мужественно исповедовавший умирающих, а затем их же и отпевавший. Служа панихиду, он начал медленно оседать, его схватили под руки и повели к скамье, и даже когда его несли к дому, он не прервал отпевания, и вскоре преставился с молитвой на устах.

Умер золотых дел мастер Евлогий, чьи украшения носила островная знать. Его руками были выкованы подсвечники в храме Преображения и позолочены купола, которые в ясную погоду будто горят огнем на радость благочестивым и на устрашение неверным.

Умер глава налоговых сборщиков Евмений – человек неподкупный и трудившийся с великим тщанием, отчего к нему относились с почтением, но, по правде говоря, не любили.

Вслед за ним ушел начальник городской стражи Виссарион, чей тяжелый кулак был знаком многим горожанам. И такова была сила его привычки, что даже при отпевании грозная десница Виссариона приняла внезапно вид кулака. Многие бы, мыслю, вздохнули при его кончине с облегчением, если бы не смотрели в

лицо той, что страшнее всякой стражи.

Умерло и превеликое множество иных, имена же их Бог весть.

И живые не успевали погребать мертвых, и не хватало здоровых, чтобы смотреть за больными, так что за десятью больными ухаживал один здоровый. Многие дома стояли уже пустыми или же оставалось в них по одному человеку, иногда – ребенку.

Был в те дни главой Города, иначе сказать епархом, человек по имени Амвросий. Ежедневно он обходил квартал за кварталом, чтобы понять, где труднее всего, и направить туда помощь. Из вверенных ему денег не присвоил он себе ни динария, что на Острове не было делом обычным, но, прибавляя еще и свои средства, всё отдавал на борьбу с мором.

Амвросий этот самолично проверял пустые дома, чтобы быть уверенным, что там никто не забыт, и не боялся прикасаться к больным телам, желая определить, есть в них жизнь или уже нет. Жители почитали Амвросия праведником, каковые нечасто встречаются среди епархов. В том, что мертвых, пусть не сразу, но хоронили, а живым оказывалась помощь, велика была его заслуга. Твердое исполнение им своего долга спасло тогда многих, хоть многих, конечно, и не спасло.

И свирепствовал мор три месяца, и никто тогда умерших не считал, но всем было ясно, что счет идет на десятки тысяч.

В конце сентября, приняв схиму, мир сей покинул князь Михаил.

В начале же октября, также в ангельском образе, преставился князь Андроник.

И остался Остров опустошенным и обезглавленным.

К этим смертям, однако, добавилась еще одна. В середине октября, когда моровое поветрие уже начало стихать, преставился Агафон Впередсмотрящий. Судя по тому, что последние месяцы жизни Агафон как никогда прежде усердствовал в молитве и посте, о скорой своей смерти он знал. И ничего никому не сказал. И пречестное тело его было погребено в монастырском Храме

Преображения.

Смерть его вызвала на Острове великую скорбь, ибо Агафон был человеком праведным. Печалились островитяне и потому, что ушел единственный человек, знавший будущее. И хотя он был не в силах ничего предотвратить, от самой мысли о том, что кому-то будущее известно, всем становилось немного легче.

Помня о соглашении между почившими в Бозе князьями, а паче о предсказании Агафона Впередсмотрящего династиям Романидов и Ираклидов, ведущих род от сыновей Августа, решили отложить вопрос о власти до рождения княжеских детей и достижения ими годовалого возраста. Когда будет понятно, что новорожденные закрепились на свете сем, надлежало назначить регента.

Чтобы в трудное время Остров не постигла еще и язва безвластия, островной народ во главе с обеими династиями обратился к епископу Феофану с молением принять до этого времени правление на себя. Услышав обращенные к нему слова, Феофан заперся в своей келье и коленопреклоненно молился всю ночь. С первыми лучами солнца он вышел к ожидавшим его людям и сказал:

Если Богу угодно, пусть будет так.

Глава четвертая

Юстин

Вряд ли найдется перо, достойное описать княжение благочестивого Юстина, князя-регента, после долгих просьб согласившегося занять место опекуна при малолетнем Парфении, сыне преждевременно ушедшего брата своего Михаила. Если даже найдется такое перо, то трудно – ох, как трудно – будет ему вывести казенные слова опекун или, чего доброго, регент, в то время как благочестивый князь Юстин с первого же дня стал для отрока Парфения вторым отцом.

Заскрипит это перо несмазанной осью, заелозит по бумаге, споткнется почуявшим волка конем и предпочтет казенщине теплое слово отец. Первый ли, второй ли – кто озаботится таковым счетом и кто вообще сочтет это заботой?

Главное, что – отец. Именно это слово первым слетело с уст сироты, когда дитя в положенное время начало говорить.

Вторым словом было мать, обращенное к благоверной княгине Гликерии, жене князя Юстина. Имея за плечами полную тревог юность – бедную, но честную; непростую, но прекрасную, – княгиня стала для ребенка примером немеркнущего. Мерцанием беспримерного, мерой и пределом.

Ксения

О выборе. Эта глава написана человеком, который одновременно сделал два взаимоисключающих выбора. Речь о Прокопии Гугнивом, описавшем царствование князя-регента Юстина. Описание отличает особый стиль повествования, который кто-то удачно назвал приподнятым. Он так непохож на стиль прочих хронистов.

Много лет назад была найдена удивительная – можно сказать, сенсационная – рукопись. Она озаглавлена Истинная история князя Юстина, написанная Прокопием Гугнивым. В Прокопиевой келье ее заметили в трещине дымохода.

С тех пор как монастырь начал отапливаться одной большой печью в подвале (это произошло еще до Прокопия), келейная печь уже не топилась, и хронист, по всей видимости, решил ее использовать как тайник. Замечу, что реставрация Спасо-Островного монастыря время от времени возобновляется – одному Богу известно, каких находок нам еще ждать...

Хранение рукописи в тайнике не было пустой прихотью автора: она содержит сведения, мягко говоря, противоположные тому, о чем он сам говорил в хронике. Судя по найденному документу, Прокопий собирался его обнародовать. В тайнике же он остался, вероятно, вследствие внезапной смерти автора.

На последнем листе рукописи помещена загадочная приписка. В опубликованном виде она выглядит так:

У Агафонова гроба не обретет пророчества голос никто источник есть сведений о будущем Острова.

Строение этой фразы необычно, и смысл ее темен. Ясно лишь, что она как-то связана с пророчеством Агафона Впередсмотрящего. Но – как?

Итак, украв у Острова предсказания о будущем, Прокопий в то же время обогатил его знаниями о прошлом. Уже из заглавия найденного текста следовало, что история в хронике была неистинной. Поскольку писались две истории параллельно, получалось, что выбор Прокопия осуществлялся одновременно в пользу истинного и ложного.

Отделив в своих писаниях истину от лжи, Прокопий как бы не ставил на этом точки. Возможно, он даже допускал, что с течением лет истина и ложь поменяются местами (такое случалось в его жизни), и предоставил потомкам давать оценки самостоятельно.

Дети, которым предстояло вступить в брак, трех лет от роду были обручены. Они стали поистине украшением Острова, двумя самыми прекрасными цветами нашей земли. Всем казалось, что от их голов исходит сияние, и были они как два маленьких солнца. Появление их на улице в пасмурную погоду разгоняло тучи, так что можно было сказать, что светит сразу три солнца, и они грели всех. Самих же детей, благословенных Парфения и Ксению, согревала их любовь к Юстину и Гликерии.

Если Парфений своим поведением напоминал прочих детей своего возраста, то с Ксенией дело складывалось иначе. Она детских игр не любила и их сторонилась, отчего несведущим и не обладающим тонкостью чувств могла показаться нелюдимой и даже диковатой. На деле же кажущаяся нелюдимость отражала ее внимание не к земному, но к горнему. С молодых ногтей образцом для нее являлась Гликерия, светоч целомудрия и чистоты.

Гликерия была второй женой Юстина. Первая его жена Агафья оказалась бесплодна, и оттого князю пришлось с ней расстаться. До этого Юстин и Гликерия пытались излечить Агафью от бесплодия, но так как усилия их оказались столь же бесплодны, сколь и Агафья, Юстину скрепя сердце пришлось

взять в жёны Гликерию.

Заботу о Ксении взяла на себя тетка ее Клавдия, коротавшая свои дни на Побережье. Детей, однако, решили не разлучать, и время они обычно проводили вдвоем, то во Дворце, то у моря.

Остается лишь сокрушаться, что не хватает мне умения описать доброту и мудрость людей, взявших опеку над малолетними. Как тут не заплакать о себе, что в Афинах не бывал и в академиях не учился, что груб умом и чувствами низок? Что, наблюдая игры, поначалу не понимал их сокровенной воспитательной сути, когда, играя, скажем, с благочестивой четой в чет и нечет, чудесные чада уже в ранние годы научились отличать одно от другого, в то время как даже отмеченные чинами различают их неотчетливо.

В лето восьмое регентства добродетельного Юстина у воспитуемого Парфения вошло в обычай играть в ножички. Игра эта развивала точность и ловкость, столь необходимые будущему властителю. Искусство метать нож в повороте, которому Парфения учила благомыслящая Гликерия, было средством борьбы с неповоротливостью, до некоторой степени свойственной означенному сироте, да и в целом в общественной жизни такое искусство всегда, как говорится, небесполезно. Игре в ножички ребенка начали учить с той поры, когда всякое учение дается легко.

Иное дело мы, взрослые, неспособные не то что научиться метанию в повороте, но и запомнить малое количество иноземных слов. Оттого перед прибывшими с Большой земли стоим безъязыки и немы, не в силах даже поприветствовать их, молчу уже о сложных материях, как то философский дискурс или, примерно говоря, построение силлогизма. Без языка не заведешь ни простой дружбы, ни более тесных отношений, отчего до сих пор так мало у нас межгосударственных браков. Но о сем оставим глаголати и на подлежащее возвратимся.

Во время игры Гликерия, как поистине вторая мать, неусыпно следила за тем, чтобы ни один из ножичков не полетел в сторону наследника княжеского трона. Когда же дьявольским наущением ножичек все-таки полетел в его сторону, малолетнего Парфения спас крик предназначенной ему в жёны малолетней же Ксении. В тот час она гуляла со своей родней у моря. Проходя мимо скалы, напоминающей башню, она коротко крикнула:

Нож!

И этого было достаточно. Преодолев неповоротливость, мальчик успел сделать пол-оборота, и нож, летевший ему в сердце, вонзился в предплечье.

Это оказался больших размеров нож, и брошен он был искусно, так что, если бы не крик, всё могло бы кончиться для Парфения плачевно. Вне себя от гнева, благорассудная Гликерия велела тут же отрубить голову отроку, неосторожно бросившему нож. Некоторые лжецы или просто люди несведущие вспоминают, что отрубленная голова якобы заговорила. Если же принять во внимание, что именно она говорила (а я не желаю этого повторять), то история с говорящей головой представляется совершенно недостоверной.

Ксения

Самой игры в ножи я не видела (мы находились слишком далеко от игравших), но почувствовала, чем они там, на севере Острова, сейчас занимаются.

Мы гуляли по берегу моря около нашего замка. Впереди шла тетушка Клавдия, сестра моего умершего отца, которая занималась моим воспитанием. Шла по полоске прибоа, подобрав подол платья. Держала его обеими руками, высоко – выше колен, и всё равно часть подола скользила по мокрому песку, то и дело погружаясь в дрожащую морскую пену. В этот день я обратила внимание на ноги Клавдии. Они были, говоря современным языком, х-образными. Внезапно я почувствовала укол беспокойства и, еще не понимая, что делаю, закричала:

– Нож!

– Отчего ты закричала «Нож!»? – спросила тетушка, не замедляя движения.

– А отчего у вас х-образные ноги? – ответила я вопросом на вопрос.

Клавдия не поняла ни моего крика, ни вопроса, я тоже не поняла ни того, ни другого – вырвалось просто. Я находилась, вообще говоря, не здесь. Видела в далеком Городе Парфения, слышала в непроглядном будущем слова. Такое,

впрочем, случилось и с Клавдией, сказавшей про меня однажды: проблемный ребенок. Я думаю, это у нас семейное.

Парфения мой крик спас. Каким-то странным образом он услышал его (мои слова суженый слышал с любого расстояния) и повернулся в мою сторону. Этого было достаточно, чтобы нож попал не в сердце, а в плечо. Из двух версий события, предложенных Прокопием Гугнивым, к истине ближе та, которая отражена в Истинной истории.

В лето двенадцатое регентства Юстина преданная супруга его Гликерия, этот сосуд целомудрия, основала Дом благочестия, в который селила женщин, прежде торговавших своим телом, но вставших на путь исправления. Чтобы не возникло у них искушения предаться прежнему греху, из Дома удалили мужчин, кроме одного лишь привратника Евлампия 92 лет. Покаявшиеся (они называли друг друга сестрами) шили повседневную одежду. Раз в неделю, в воскресный день, одна из сестер ездила на торг, где сшитые вещи продавались, а вырученные деньги шли женщинам на пропитание.

В лето четырнадцатое регентского правления князя Юстина светоч человеколюбия Гликерия создала еще один такой дом, а затем еще и еще. Нравы на Острове улучшились настолько, что некоторые стали бояться, что в конце концов здесь прекратится деторождение. Или же оно будет осуществляться каким-либо более безгрешным способом – например, почкованием. Между тем, главное предназначение правящей четы – воспитание княжеской пары – выполнялось в высшей степени ответственно, хотя и медленно.

В лето восемнадцатое правления праведного Юстина события развивались, как всегда, без спешки. За восемь лет, прошедших со дня памятной игры в ножички, юные Парфений и Ксения стали старше лишь года на полтора. Это показывает, каким непростым было воспитательное дело благочестивых Юстина и Гликерии.

Они справедливо рассудили, что в таких случаях торопиться не следует, и естественное замедление времени Парфения и Ксении ни в коем случае не следует искусственно преодолевать. Юстином и Гликерией было замечено, что время в детстве неторопливо. Таковое открытие позволило им считать годы Парфения и Ксении особым образом, деля их на три, а иной раз и на четыре. Это, конечно, вынуждало их оставаться у власти дольше, чем предполагалось, но уж

так были устроены эти люди, что не могли оставить своих подопечных недовоспитанными.

Если для надлежащего воспитания понадобится и сто лет, говорил, бывало, Юстин, значит, столько и будем над этим трудиться.

Убежден, что не нужно сравнивать время разных людей или говорить: тот прожил долго, а вот этот нет. Каждый прожил столько, сколько ему благопотребно для достижения жизненной цели. Ведомо всем, какая путаница наступает, едва лишь мы начинаем говорить о времени, возрасте и тому подобных материях. Тут же выясняется, что время у каждого свое, и оттого-то так трудно людям находить общий язык.

Вот почему не всякий знает свой возраст. Не редкость ведь семьи, где возраста не знает никто, хотя там представляют, допустим, кто старший в роде. Если же пребывают в неведении и относительно этого, то о возрасте договариваются. Время хорошо тем, что о нем всегда можно договориться.

В лето двадцатое правления мудрейшего Юстина он охотился на зайца. И не успел он поставить силки, как с небес упал огромный змей, и все ужаснулись. И был гром и стенание земли, люди же разбежались. И понял князь, что это был знак свыше, чтобы отвратить его от охоты на зайцев как занятия неблагочестивого. И с тех пор на охоту он больше не ездил.

В лето двадцать пятое правления благороднейшего Юстина на Остров прибыл эллинский философ Евсевий. Видя праведную жизнь князя, Евсевий изменил строй своих мыслей и принял крещение. Будучи человеком небедным, он дал князю 300 динариев на благоустройство Острова. Движим любовью к своему народу, все до последнего динария бессребреник Юстин без промедления потратил на благие дела, Евсевию же дал хартию с обещанием, что на том свете пожертвованные деньги вернутся тому сторицей.

Через год Евсевий скоропостижно скончался, и, когда его хоронили, в руки ему была вложена означенная хартия. Спустя несколько недель он явился во сне Юстину со словами: возьми свою хартию. И тогда раскопали могилу, и обрели Евсевия сидящим со свитком в руке. Когда же пытались взять этот свиток, то покойный не дал его никому, кроме князя. После того как Юстин хартию взял, Евсевий снова лег. И все прочли в ней написанное: я, Евсевий Философ,

подтверждаю благоверному князю Юстину своеручной подписью, что получил долг сторицей. Узнав об этом удивительном событии, многие состоятельные люди давали деньги князю Юстину без боязни и, можно даже сказать, с радостью.

В лето двадцать шестое правления Юстина в кувшин с вином заползла змея и выпила всё вино. От этого она так распухла, что не смогла выползти. Когда же кувшин принесли премудрому Юстину, князь сказал змее с кроткой улыбкою:

Сначала отдай нам выпитое тобой вино, и только тогда сможешь выйти наружу.

Изрыгнув через какое-то время вино, змея освободилась. Находившиеся же при этом пали ниц и прославили великую мудрость князя.

В лето тридцатое правления Юстина случилось великое несчастье: сентябрьской ночью запылал княжеский Дворец. Его долго тушили, а когда наконец это удалось, то в княжеской спальне обнаружили два обугленных тела. Это были тела Юстина и Гликерии. Так сгорели два светоча благочестия, и спальня стала им усыпальницей.

Парфений

Не всё из того, что сказано Прокопием в хронике, следует считать ложью. Прокопий справедливо указывает, что у каждого человека время свое, да и оно может меняться в разные периоды его жизни. Прав он и в том, что каждому человеку долгота и ритм времени даются по потребности. Иной раз нужно больше времени, чтобы что-то понять или, наоборот, объяснить другим.

Да, у всех людей есть общее время, но оно – не более чем пунктирная линия, с которой соединяются личные времена каждого из нас. Потому некоторые живут двадцать лет, а некоторые двести. Или девятьсот. Их личное время – это реальность, а общее время – чистая условность. Желание сделать вид, что всё связано. Как-то даже неожиданно, что Прокопий это понимал.

Что до незаконного стремления Юстина и Гликерии править как можно дольше, то оно не отменяло правильности их подсчетов. Мы с Ксенией, словно чувствуя

(она-то точно чувствовала), что наша жизнь несколько затянется, не торопились взрослеть.

В отличие от прочих хронистов, Прокопий старался держаться поближе к княжескому двору, объясняя это тем, что ему как историку необходимо получать информацию из первоисточника. Время от времени он даже показывал князю написанное, что, прямо скажем, трудно объяснить какой-то необходимостью.

Оправдываясь, Прокопий говорил, что делал это по велению сердца, не в силах скрыть своей любви к правящим особам. Впрочем, как показала тайная рукопись Прокопия, веление его сердца в течение дня могло меняться до неузнаваемости.

Да, была в Прокопии некая двойственность, ведь даже незнакомые с Истинной историей современники называли его человеком с двумя языками. Подобно большинству художественных высказываний, образ этот не считался с реальностью, ибо у историка не было, как известно, ни одного. Во внеязыковом отношении реальность была тоже не так проста, как это кажется на первый взгляд. Либерализм не был сильной стороной Средневековья, а опыт того же Прокопия говорит о том, что порой и одного языка было много.

Разумеется, столь радикальное отличие двух Прокопиевых версий истории производит неблагоприятное впечатление. Две истории должны вроде бы дополнять друг друга, но от их соединения объем истины не увеличивается, потому что ни та, ни другая не ставили своей задачей поиск истины. Это несколько отличается от того, к чему мы (имею в виду нас с Ксенией) привыкли в Средние века.

В ту далекую эпоху история была в большей степени историей, потому что смотрела на вещи менее предвзято. Современная же историческая мысль формируется обстоятельствами, далекими от описываемых событий. Она зависит от политической целесообразности, что превращает исторические сочинения в инструмент борьбы. Вот почему нынешний историк в том или ином смысле – участник событий, и взгляд его – это взгляд сбоку. Средневековый же историк смотрел сверху.

Прокопий Гугнивый сверху не смотрел и, следовательно, опередил свое время. Может быть, именно поэтому издателями Истории Острова было принято решение в приложении к главе о князе Юстине опубликовать также Истинную

историю. Правильное решение.

Любопытно, что истинным в официальной истории сам Прокопий считает только рассказ о Ксении и обо мне. Поскольку пишет он о нас с симпатией, мне это, не скрою, приятно. В ту часть потустороннего мира, где он сейчас находится (здесь возможны варианты), посылаю ему свой искренний привет.

Приложение к главе четвертой

Истинная история князя Юстина, написанная Прокопием Гугнивым

Да уж, крепкое перо нужно иметь тому, кто собирается описывать деяния Юстина и Гликерии. Деяния-злodeяния. От таковых описаний способны ломаться любые перья. Я пишу об этой богопротивной паре по ночам, когда никто не видит. После всех дневных панегириков пишу, какие они на самом деле змеи в облике человеческом.

Тем немногим, что в хронике истинно, являются мои слова о детях, Парфении и Ксении. От этих слов я, недостойный, и здесь не отказываюсь. Дети не могут не вызывать любви, особенно Ксения, чадо необычное и странное, которому ведомо неведомое и видимо невидимое. Она всегда сторонится детских забав, как сторонятся их в детстве только святые. Если Парфению и Ксении дано будет когда-либо вступить на княжеский престол, из них выйдут милосердные и мудрые правители. Не такие, как Юстин и Гликерия.

Юстин. Безмозглый прелюбодей, мздоимец и узурпатор. Прежде было решено, что после рождения младенцев правителем Острова на год становится епископ Феофан. Этот Юстин и года вытерпеть не смог – начал без милости теснить Феофана.

Беседовал с ним, увещевал, доказывал, что через год всё равно он регентом будет, так для чего-де тянуть кота за хвост и не лучше ли де сразу передать власть ему, Юстину? Епископ слушал его молча, просто смотрел на него и шевелил бровями, а через месяц так же молча покинул княжеский Дворец и вернулся в свой монастырь.

Гликерия. Редкостная шлюха, и это лучшее, что о ней можно сказать, потому что в некотором смысле Гликерия даже хуже своего мужа.

Если бы кто узнал, что я здесь всё это пишу, не прожил бы я после того и часа. Но именно поэтому писать меня влечет с особой силой, и не могу тому противиться. Да и за потомков обидно: будут, чего доброго, верить тем домыслам, которые я был вынужден поместить в хронике.

Например, о первых произнесенных Парфением словах. Никто из известных мне младенцев не начинал со слов отец и мать. Для этого существуют мама и папа, и то – именно в таком порядке.

Гликерия значит сладкая... Сладость ее пробовали с четырнадцати лет и, замечу, очень многие, ибо не было в истории Острова второй такой б... Можно думать, что выражения мои недопустимо сильны, но это не так. Как бы я ни выразился, будет, уверен, слишком мягко.

Она торговала своим телом на улицах и площадях, в домах знати и в казармах. Особенно – в казармах, куда ее влекло количество участников, и она была последней, кто уставал от этих оргий. Когда же у солдат не было денег, чтобы заплатить за ее услужливое тело, она предоставляла его бесплатно. И ошибется тот, кто объяснит это бескорыстием, ибо единственным объяснением была ее неумная похоть.

Самые искушенные развратники Острова изумлялись ее познаниям в области любовных утех и в ее присутствии чувствовали себя жалкими невеждами. Время от времени, когда Гликерия понимала, что беременна, то всеми известными ей способами пыталась избавиться от плода. Два раза ей это не удалось, и она рожала.

Что произошло с этими детьми, в точности неизвестно. Рассказывают, однако, что спустя годы, когда она уже была княгиней, к воротам Дворца пришел какой-то человек, утверждавший, что он ее сын. Стражники хотели было его прогнать, но Гликерия им в этом воспрепятствовала. Напротив, она приказала проводить этого человека в одно из подвальных помещений, где якобы намеревалась с ним поговорить. Больше его никто не видел.

Говоря о том, что в жизни Гликерией двигало не бескорыстие, упомяну лишь о том, что именно ею на Острове были основаны публичные дома, доходы от которых она самолично и получала. По горькой иронии эти заведения были названы ею домами благочестия, в которых будто бы перевоспитывались жрицы любви.

Когда в одном из таких домов забеременели сразу три перевоспитанные и об этом узнал весь Остров, Гликерия лично возглавила расследование. Подозрение пало на 92-летнего привратника Евлампия. На публичном дознании означенный Евлампий не вспомнил не только женщин, с которыми якобы согрешил, но даже и то, каким образом это делается.

Забеременевшие, однако, его вспомнили и заявили, что в момент их соращения он был в высшей степени бодр, настойчив и изобретателен. Глядя на Евлампия, напоминавшего сухую ветку на ветру, многие в его настойчивости усомнились. Слезающиеся глаза совратителя были сосредоточены на ближайшем облаке. Весь его вид свидетельствовал о слабом понимании происходящего. Евлампий был признан виновным и казнен.

Впрочем, что уж тут говорить о Евлампии, когда Гликерия совершала неоднократные попытки убить своего воспитанника Парфения. По счастью, всякий раз Ангел-хранитель отводил ее руку от отрока. Самым известным таким случаем была игра в ножички, когда княгиня подговорила одного из мальчишек метнуть нож в Парфения. Гликерия объяснила это тем, что под рубахой у Парфения надета-де кольчуга (хотя кто же носит кольчугу под рубахой?) и ничего с ним не случится, тогда как князю надо привыкать к любым неожиданностям, и что метание ножа лучшее лекарство от пресловутой неповоротливости малолетнего. Она была большой мастерицей заплетать мозги, эта Гликерия.

Когда же благодаря крику Ксении с другого конца Острова убийство не состоялось, княгиня поспешила отрубить мальчишке голову, причем в ожидании палача явственным образом закрывала ему рот. Гликерия не ожидала лишь того, что, даже будучи отрубленной, голова заговорит. Лежа на красных от крови ступенях (за отсутствием эшафота казнь осуществилась на лестнице) рядом со щуплым детским телом, голова рассказала и о просьбе Гликерии, и о кольчуге, и еще кое о чем.

Удивительно, вскричала Гликерия, удивительно, какие глупости говорит эта голова! Отрок сей, без сомнения, безумен.

Да он просто потерял голову, поддакивали льстецы и прихлебатели, глядя на то, как кровь из аорты всё еще продолжала толчками вытекать на ступени.

И никто не смел заткнуть голове рот, и тогда к лестнице бросилась Гликерия, не боявшаяся не только говорящих голов, но и самого князя мира сего. Когда она наклонялась к голове, нога ее поехала на скользкой от крови ступеньке. Падая, княгиня коснулась лбом отрубленной головы, и лоб ее стал алым. Говорят, что кровь эта не смывалась с ее лба сорок дней, иначе как же можно объяснить то, что в течение такого времени она не покидала Дворца и никому не показывалась?

Ненавидела ли Гликерия Парфения? Полагаю, что нет, даже при том, что хотела его убить. После похоти главной ее страстью было властолюбие, а все остальные страсти являлись так или иначе продолжением главных. Парфений был кротким ребенком и сам по себе желания убить его у Гликерии не вызвал бы, но он стоял на пути к власти, и в том была его великая вина.

Уверен, что она не колеблясь в конце концов убила бы Парфения, но мысли ее изменились, когда она заметила, что отрок живет другим временем, гораздо более просторным и долгим, чем ее. Гликерия осознала, что Парфений не препятствие для нее, а защита.

Время Парфения делало приход его к власти событием отдаленным, в то время как смерть его вернула бы всех князей к борьбе за княжение, в которую бы включился и простой народ, а народ (и здесь она не тешила себя надеждами) оказался бы не на ее с Юстином стороне.

Перечитав написанное, поправлю себя в том смысле, что властолюбие все-таки было в ней сильнее похоти. Как бы то ни было, две эти страсти, соединившись, и привели к ее беспримерному возвышению.

Она втерлась в доверие к тогдашней жене Юстина княгине Агафье, страдавшей бесплодием. Гликерия уверила несчастную, что легко исцелит ее от бесплодия и тем отведет от нее опасность быть отвергнутой мужем. Сказав, что ей надо возжечь в княжеской спальне особые курения, Гликерия отправила Агафью

лежать в ванне с травяным настоем, при этом предупредила княгиню, что в нужное время сама за ней придет.

В спальне лжецелительница, как то и было ею предусмотрено, дождалась Юстина. В отличие от травного дела, с которым она была незнакома, в делах любовных для нее не было тайн. Княжеский постельничий рассказывал, что неприличны были движения Гликерии, но еще более неприличен был ее взгляд. Именно он воспламенил Юстина, и между ним и Гликерией произошло то, чего простодушная Агафья, лежа в давно остывшей воде, никак не ожидала. В ту ночь ложе с Юстином уже делила Гликерия, а Агафья на это ложе уже не вернулась. Говорили, что Гликерия Юстина приворожила, хотя правдоподобнее, что князь был заморожен прежде всего ее постельными умениями.

Еще неделю, напоминая привидение, Агафья ходила по Дворцу. В вечернее время оказывалась у дверей спальни, и стояла там, и обливалась слезами, пока в один из дней Гликерия не ударила ее серебряным подсвечником по лицу. От этого удара у Агафьи оказался сломан нос и рассечена бровь, отчего слёзы на ее лице смешались с кровью.

Такой и застал ее у спальных покоев князь Юстин. В его присутствии Гликерия ударила Агафью еще раз, разбив ей губу и раскрошив передние зубы. Она была бы несчастную и дальше, поскольку метила ей в глаз, чтобы та окривела, но князь это адское отродье остановил.

Тогда Гликерия закричала, что бывшую жену он должен немедленно казнить, поскольку Агафья-де не даст им жить спокойно. Все боялись, что Юстин, попав под полное влияние Гликерии, так и сделает, но он, не желая смерти жены, пусть даже и бывшей, распорядился заточить ее в монастырь.

Агафья же в слезах благодарила его за великодушие и повторяла, что какая же она теперь без зубов жена светлейшему князю, и желала ему радости и благополучия с Гликерией, поскольку счастье ее повелителя для нее превыше всего.

Спустя несколько дней Юстин потребовал у епископа Феофана, чтобы тот обвенчал его с Гликерией. Феофан же отвечал ему, что союз этот несправедлив и не будет на него епископского благословения. Юстин посмотрел на епископа медным взглядом, но ничего не сказал, и в этом молчании все увидели недобрый

знак.

Наихудшие предположения подтвердились, ибо через неделю Феофан скоропостижно скончался, а епископом поставили Филарета. И был он безгласнее рыб, и совершил венчание. Гликерия же была наказана за свое злодеяние, поскольку, подобно Агафье, так и не смогла забеременеть. Слишком много беременностей прервала она в юности, чтобы впоследствии быть способной родить.

Вслед за Феофаном пострадал и епарх Амвросий, чья самоотверженность спасла во время мора многие жизни. В отличие от других начальников, он не нес Юстину злато, чтобы остаться в своей должности. Память о его подвижничестве в дни мора в сердцах сограждан не стерлась, но была свежа, а кроме того, обязанности епарха он продолжал выполнять безукоризненно.

Не получая подношений от Амвросия, Юстин всё более раздражался. Молчу уже о великой ревности, которую князь испытывал к любимому народом епарху. Движимый этими изменными чувствами, Юстин давно искал повода сместить Амвросия. Не найдя такого повода в действительности, Юстин его придумал.

В ту пору стало известно, что из монастыря исчезла украшенная самоцветами Княжеская Библия, на которой князья принимали клятву, восходя на престол. В пропаже Библии был обвинен Амвросий. Основанием для обвинения стали показания двух монахов, видевших якобы, как под покровом ночи епарх выносил драгоценную книгу из монастыря.

Одним из свидетелей был монастырский келарь, способный свидетельствовать перед кем угодно и о чем угодно, человек, чуждый благочестия и сребролюбец, не имевший в душе ничего святого.

Вторым свидетельствующим монахом был я...

Мне тяжело признавать эту ложь, но что я мог поделать? Когда Юстин спросил меня, не видел ли я, как Амвросий выносил из монастыря Княжескую Библию, я ответил, что не видел. Я также спросил, как вообще мог оказаться епарх ночью в монастырском книгохранилище. Князь помолчал, а потом сказал:

Кто же еще мог оказаться там ночью? Только ты. Вынести Библию из книгохранилища мог только ты сам, и отец келарь подтвердит, что видел, как это происходило.

Мог ли я не лжесвидетельствовать?

Собрав островитян на Главной площади, Юстин во всеуслышание провозгласил, что деятельность эпарха всегда была направлена на уничтожение Острова путем полного его затопления, а данный вопиющий случай – одно из звеньев в цепи Амвросиевых преступлений. Юстин указал, что звено это было ключевым, поскольку на чем же теперь будут клясться князья, восходящие на престол? Получалось так, что им теперь на престол и не взойти, а на нем придется пребывать Юстину, вопреки его, Юстина, желанию. Услышав это, я понял задуманное Юстином во всём размахе его замысла.

Амвросия приговорили было к смерти, но ответом на приговор стала буря негодования, немедленно поднявшаяся на площади. Видевший свой народ таким впервые, Юстин поспешил приговор отменить, и это несколько людей успокоило.

Гликерия советовала ему казнить эпарха тайно, но князь побоялся действий бесповоротных, ибо понимал, что может настать день, когда толпа потребует предъявить живого эпарха. Амвросия на всякий случай не казнили. Вечером того же дня его ослепили и увезли на юг Острова. Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна.

Впоследствии же, исповедуясь на смертном одре перед братией монастыря, отец келарь признался, что, по тайному требованию Юстина, Княжескую Библию из монастыря вынес он, он же доставил ее во Дворец, а затем лжесвидетельствовал против эпарха.

Юстин и Гликерия, которых иначе как порождениями ехидны не назовешь, были, однако, омерзительны по-разному. Гликерия, как сказано, являлась воплощением похоти, Юстин же был охвачен страстью сребролюбия. Назначив себя верховным судьей Острова, он утверждал любое судебное решение, принятое на вверенной ему земле. Утверждал же только по получении мзды, отдавая предпочтение той из сторон, которая приносила больше денег. И было это всем удивительно и непонятно, поскольку не случалось еще такого на Острове, чтобы князь был мздоимцем.

А еще измыслил Юстин требовать у богатых людей деньги якобы на благие дела, обещая им, что на том свете получат обратно свою жертву сторицей. Нечто подобное действительно случилось с философом Евагрием в Александрии, и князь об этом узнал из принесенной мной рукописи. Рассказ ему так понравился, что он велел мне записать его на отдельном листе и, выбрав жертвователя (жертву?), зачитывал ему этот рассказ вслух, а затем требовал денег. Не знаю, все ли верили написанному, только пожертвовать не отказался никто.

Эти строки я пишу через несколько дней после великого пожара, в котором сгорели ненавистные всем Юстин и Гликерия. Говорят, что Дворец был подожжен в пяти местах, и в это легко поверить. Знаменательно, что сгорели они в своей спальне, где начался их греховный союз.

За три года до ужасной смерти Юстина и Гликерии произошел примечательный случай, который многие называли в шутку чудом Юстина о змие. Он описан мной в хронике по приказу самого Юстина. Ему, слабому умом, казалось, что этот случай ярко проявляет его мудрость. На самом деле он был олицетворением их с Гликерией правления.

Они были двуглавой змеей, которая выпила из Острова все соки: в тайнике за спальней были найдены многочисленные сундуки с золотыми монетами. Поверх одного из сундуков лежала Княжеская Библия, чудесным образом не тронутая огнем. Может, и грешно так говорить, но скажу: остается только радоваться, что, в отличие от змеи в кувшине, Юстин и Гликерия из своей могилы уже никогда не выползут.

Глава пятая

Евстафий

По смерти Юстина и Гликерии регентом при малолетнем Парфении стал младший брат Михаила и Юстина, благоверный князь Евстафий.

В первое лето Евстафия некие мореходы привезли в подарок князю невиданных рыб. Евстафий, желая на них посмотреть, пришел к мраморному водоему у

Дворца, упал в воду и утонул. Общее же время его правления – три дня.

Парфений

Запись краткая, многословному стилю Прокопия Гугнивого вроде бы даже не соответствующая. С другой стороны – а много ли по такому случаю напишешь? Кто-то может сказать, что проще было совсем ничего не писать, что три дня правления не считаются, и – будет неправ. Дело здесь не в Евстафии и его трех днях: это и в самом деле не имеет никакого исторического значения.

Смысл отдельного упоминания Евстафиева правления в другом. Средневековые не выносили отсутствия звеньев в хронологической цепи. Любой цепи – будь то олимпиады, которыми датировались события в некоторых хрониках, будь то императоры или просто годы. Потерянные звенья нарушали целостность времени, которое организовывало мир Божий и предваряло вечность. Русские и ирландцы указывали даже пустые годы – те, что прошли без событий. Год такой-то: не произошло ничего. И бысть тишина.

Пустым годом Прокопия Гугнивого, не русского и даже не ирландца, была запись о трех днях всеми ныне забытого князя Евстафия. Да, текст, повторю, не по-прокопиевски лапидарен. Возможно, необычным стилем хронист хотел подчеркнуть необычность случившегося с князем: вышел, что называется, на рыб посмотреть... Рука – Прокопия, и это его запись.

Эта же рука в свое время записала пророчество св. Агафона. Предвидел ли Агафон судьбу продиктованного им текста? Если да, то почему диктовал его именно Прокопию – были ведь и другие писцы в монастыре? Иногда мне кажется, что, доверив пророчество Прокопию, Агафон хотел сделать его содержание до времени неизвестным. До того времени, когда оно станет необходимым и снова найдется. Поживем – увидим.

Однажды без всякого повода Ксения сказала мне, что пророчество найдется.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Чувствую.

Для меня это веский аргумент. То, что (пред)чувствует Ксения, обычно сбывается. Я привык к этому еще с детства.

Забавно, что в сообщении о новом регентстве я назван малолетним. Вообще говоря, нам с Ксенией было тогда лет по тридцать. Но у нас действительно было свое собственное время, так что по большому счету ошибки нет.

Это последняя запись Прокопия Гугнивого. Она сделана им в день смерти Евстафия, ставший днем и его смерти. Вероятно, радость Прокопия из-за гибели Юстина и Гликерии была столь велика, что сердце не выдержало.

Все дни после пожара он не ходил – летал. На вечернем же поминовении новопреставленного Евстафия вдруг схватился за сердце и грузно съехал по стене на пол. Стоявший рядом брат Мелетий подхватил его под руки, потащил к выходу, на воздух.

Мы были на той службе и вместе с несколькими монахами тоже поспешили наружу. Прокопий лежал на траве. Брат Мелетий поддерживал его голову, но немигающий взгляд Прокопия не оставлял надежды. Из открытых дверей раздавались обрывки песнопений. Мы же стояли потрясенные, потому что впервые видели смерть человека.

Через минуту вышел епископ Филарет. Внимательно посмотрев на лежащего, закрыл ему глаза. Большим и безымянным пальцами закрыл, движением уверенным и точным, словно всю жизнь только этим и занимался. Прочитав молитву, сказал Мелетию, что отныне он будет вместо покойного летописцем. Всё еще держа голову Прокопия, Мелетий наклонил свою: как благословит владыка.

Через месяц владыка был вынужден уйти, поскольку венчание Юстина и Гликерии не было ему прощено даже через годы. Владыка ушел, а благословение осталось, и никто его с Мелетия не снял.

Кстати, именно Мелетий установил, что из рукописи хроники изъято пророчество Агафона об Острове. Вначале он просто заметил сбивку в счете листов, а уж из бесед с братьями (он вел их целенаправленно) выяснил, что изъятым текстом было пророчество.

Прокопий нередко бросал загадочные фразы, что тексты порой пропадают, что не все пророчества доходят до адресатов, или, например, как полезны бывают пророчества, переданные противнику во благовремени. Разным людям Прокопий говорил разные вещи, и оттого подозрений в его отношении не возникало.

Певец Юстина и Гликерии казался прирожденным болтуном – в той, разумеется, степени, в какой это было достижимо в его положении. Вообще говоря, считалось, что на языке у него то же, что и на уме, а поскольку язык не был сильным местом Прокопия, как-то уж так это переносилось и на его ум.

Между тем, Прокопий был не так уж бесхитростен. Собрав бессвязные высказывания безъязыкого, Мелетий восстановил ход событий – так, собрав осыпавшиеся камешки, восстанавливают мозаику. Он понял, что покойный не только изъясил лист из рукописи, но и отправил его куда-то на Большую землю.

Не понимал Мелетий, по его словам, лишь того, зачем Прокопий делал те опасные намеки, которые при определенном стечении обстоятельств могли его разоблачить. Можно лишь предполагать, что для него это было игрой, тем более захватывающей, чем ближе он подходил к саморазоблачению. Это щекотало Прокопию нервы – так же, вероятно, как и Истинная история, которую он писал одновременно с неистинной. Чем дольше мы с Ксенией живем, тем больше удивляемся тому, как истинное в мире переплетается с неистинным.

Таков был Прокопий Гугнивый, который слыл человеком с двумя языками, но не имел ни одного, ненавидел власть, но искал близости к ней, писал втайне, но рассказывал об этом, некогда был жив, но теперь мертв. С ним безвозвратно ушла часть нашей жизни, потому что никогда его больше не будет.

Ксения

Удивительнее же всего то, что мы всё еще живем. Сейчас – в дачном доме, куда перебрались на лето. По вечерам гуляем вдоль опустевших пляжей.

Сегодня приезжал Филипп, издатель Истории Острова. В среднем раз в месяц Филипп приезжает нас подбадривать. Предлагает не ограничиваться имеющимися у нас комментариями к хронике и написать еще о чем-нибудь. О

чем угодно.

Обещали подумать. Мы-то, собственно, и пишем, но это скорее личные заметки. Надо ли их публиковать?

Прощаясь, я показала Филиппу на скалу, напоминающую башню, – наверху подобие зубцов. Возле этой скалы я крикнула когда-то:

– Нож!

Когда мы с Парфением проходим мимо нее, я говорю шепотом:

– Нож!

И всякий раз Парфений резко поворачивается – не так, правда, резко, как тогда. В этой истории его больше всего удивляет мое замечание об х-образных ногах.

Во время нашей беседы с Филиппом из-за скалы вышла женщина. Именно с такими, да, ногами. Увидев, что мы на нее смотрим, помахала нам рукой. Парфений, рассматривая ее, прищурился.

– Вылитая тетушка Клавдия. Что-то их притягивает к этому месту.

Все мы помахали ей в ответ. Иногда мне кажется, что каждый новый век рождает одних и тех же людей. Или очень похожих.

Филипп позвонил по мобильному, и через минуту подъехала его машина. Сев на заднее сидение, он опять помахал – на этот раз нам. Все на удивление много махали в тот вечер. Когда его машина скрылась, мы с Парфением еще какое-то время стояли у автострады. Мимо нас проносились автомобили неведомых марок. К нам подошла женщина, стоявшая у скалы.

– Мы научились отличать грузовые машины от легковых, – сказал ей Парфений, – но почему-то это и стало нашим пределом. Марок выучить не можем.

– Возраст, – ответила женщина. – Такой у вас возраст, что как-то даже неудобно и называть.

Парфений опустил голову, как бы обидевшись. Когда поднял ее вновь, стало видно, что он улыбается.

Сказал:

- Мы чувствуем себя лет на сто двадцать. Не больше.

Глава шестая

Гавриил

Приступаю к записям не без трепета.

Мне, грешному Мелетию, св. Агафон Впередсмотрящий незадолго до своей смерти сказал:

Радуйся, ибо будешь писателем временных лет.

Я поклонился ему земным поклоном. Ответил:

Слава Создателю.

Он же сказал:

Сосредоточься, поскольку перо не дается человеку для праздности.

Я опять поклонился.

Еще раз он призвал меня, лежа на смертном одре:

Блюди, Мелетие, единство мимотекущего времени.

Я обещал, и, хотя не вполне понимал, о чем идет речь, требование мне казалось оправданным.

В день смерти Прокопия Гугнивого назначили мне послушание описывать смену лет и событий. Свое назначение я осмысливал самым тщательным образом. Спрашивал себя, состоялось ли бы оно, не держи я голову Прокопия и не попадись через это на глаза епископу Филарету. Сам себе же и отвечал: состоялось бы, поскольку иначе для чего же наставлял меня Агафон?

По смерти Евстафия регентом при малолетнем Парфении был князь Гавриил, дядя князей Михаила и Евстафия. И хотя с малолетством в привычном понимании возраст Парфения давно не соединялся, все понимали, что малолетство – это всего лишь когда мало лет. Мало же и много суть понятия колеблющиеся. Одному мало сто лет, а другому и года много. Вопрошающим, когда же взойдут на престол обручившиеся, ответом было: во благовремени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vodolazkin_evgeniy/opravdanie-ostrova

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)